

ЭММА
ДОНОХЬЮ

УДИВИТЕЛЬНАЯ ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ ИСТОРИЯ

Запечатанное
ПИСЬМО

ОТ ФИНАЛИСТА «BOOKER PRIZE»
АВТОРА РОМАНА
«КОМНАТА»

Эмма Донохью

Запечатанное письмо

«Центрполиграф»

2008

Донохью Э.

Запечатанное письмо / Э. Донохью — «Центрполиграф», 2008

Красавица Хелен, дерзкая искательница развлечений, не боится рисковать, и в какой-то момент о ее измене становится известно мужу – адмиралу Кодрингтону. Чтобы избежать огласки и развода, Хелен задумывает интригу, в которую вовлекает старую деву Эмили Фейтфул. Пожилой муж, ветреная жена и близкая подруга образуют роковой треугольник. Их сложные отношения дают толчок к стремительному и неожиданному развитию сюжета, за которым читатель напряженно следит до самой последней страницы, как в настоящем детективе. Роман основан на действительно происходившем в 1864 г. бракоразводном процессе «Кодрингтон против Кодрингтон и Андерсона», подробные отчеты о котором печатались во всех английских газетах.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Эмма Донохью

Запечатанное письмо

*С любовью посвящаю моим давним друзьям
Грейн Ни Дуилл и Дебре Уэстгейт*

*Страницы заветные в сердце храню:
Рукою искусной начертаны,
Печатью они скреплены,
Недоступные чуждому взору.*

*Но если б он в них и проник,
Что постиг бы в таинственной вязи?*

*И только взору Твоему,
Исполненному странного родства,
Открыли сокровенный смысл
Загадочные письма.¹*

Элиза Кук. Стансы к Шарлотте Кушман (1851)

Глава 1

Prima facie²

*Каждая женщина должна иметь право зарабатывать на жизнь,
используя дарованные ей Богом способности.³
Эмили Фейтфул. Из письма в «Журнал английской женщины».
Сентябрь 1862 г.*

Последний день августа, и небо цвета раскаленного пепла. От рынка Смитфилд несется смрад, в воздухе сверкают частицы каменной пыли. Она быстро идет по Фаррингдон-стрит в толпе пешеходов, в которой мелькают дамские шляпки, котелки, цилиндры и плывут корзины на головах уличных торговцев. Неожиданно кто-то прикоснулся к ее руке. Она резко остановилась, инстинктивно прижав к себе сумочку, но в тот же миг узнала эту руку с нежными розовыми пальчиками.

– Фидо?⁴ – Веселый мелодичный голос словно отбросил ее на много лет назад.

Сейчас ее так зовут почти все знакомые, но первой была Хелен. Фидо подняла взгляд: изящный овал лица, все те же медно-рыжие волосы. Нарядное платье броского лимонного цвета, в свободной руке зажата белая кружевная перчатка. Плотный людской поток оттеснил Фидо в сторону и толкнул прямо на офицера в красном мундире с ослепительно сияющими медными пуговицами, который поспешно извинился.

– Я сразу тебя узнала! – воскликнула Хелен, скрываясь от палящего солнца под ярко-зеленым зонтиком. – А ты, видно, приняла меня за карманного воришку? – При этом она весело смеется.

---

² (лат.: наличие достаточно серьезных доказательств для возбуждения дела)

³ Фейтфул Эмили (1835—1895) – активистка английского движения за права женщин, издатель и автор.

⁴ Фидо (от *ит.* Fido) – верный (друг).

– Только в первый момент, миссис Кодрингтон, – облизнув пересохшие губы, ответила Фидо.

Красивое лицо исказила гримаса боли.

– О, Фидо, зачем так официально?

– Ну хорошо, Хелен, – уступила Фидо и улыбнулась, несмотря на сильное волнение, вызванное встречей с бывшей подругой. Она выхватила из кармана жакета носовой платок и промокнула вспотевший лоб.

Женщины затруднили движение пешеходов, их обогнул старик с рекламными щитами на спине и на груди с надписью «Это должно быть в каждом доме!», но Фидо не успела заметить, о чем речь.

– Но какая ты стала большая! – удивилась Хелен.

Фидо невольно опустила взгляд на свою полную грудь под скромным коричневым платьем.

– Что правда, то правда.

Розовые пальчики взлетели к коралловым губкам.

– Несносная! По-прежнему ухитряешься по-своему истолковывать мои слова или притворяешься, что понимаешь их именно так. Я хотела сказать, что ты стала очень взрослой.

– Но ведь прошло... лет семь? – неуверенно произнесла Фидо. Поправляя шляпку, она вдруг увидела, что красный мундир все еще маячит рядом, и повернулась, намереваясь прогнать его возмущенным взглядом.

– Ах, извини! – спохватилась Хелен. – Позвольте вас познакомиться. Мисс Эмили Фейтфул – полковник Дэвид Андерсон, с Мальты, друг семьи.

Полковник учтиво склонил белокурую кудрявую голову. Фидо машинально позволила ему пожать ей руку.

– Очень рада, – рассеянно улыбнулась она.

– Вы – мисс Фейтфул?

Она вздрогнула. Судя по акценту, этот человек шотландец.

– Владелица типографии и издательства имени королевы?

А он хорошо информирован! Фидо кивнула.

– Ее величество удостоила нас чести добавить ее имя к названию нашего предприятия «Виктория-пресс». – Она обернулась к Хелен. Ей так много хочется сказать, но слова застряли в горле. – Вы с капитаном Кодрингтоном приехали домой в отпуск или...

– Даст бог, навсегда! – с чувством ответила Хелен.

Ее губы слегка изогнулись, и эта знакомая улыбка мгновенно вернула Фидо в прошлое, вызывая головокружение. Она боялась, как бы с ней не случился обморок прямо здесь, в пыльной толчее лондонского Сити.

– Собственно, теперь он – вице-адмирал Кодрингтон, – заметил полковник Андерсон.

– Да, конечно, извини, Хелен, – быстро проговорила Фидо. – Дело в том, что я помню его под именем, которое он носил в дни... – «Когда я знала его? Когда я знала тебя? Но я уже не та девушка. На дворе 1864 год. И мне уже скоро тридцать», – проносится у нее в голове.

– Гарри закрылся со своими бумагами, сразу после того, как наша ужасная посуда покинула Мальту, и по сию пору не выходит из кабинета, – пожаловалась Хелен. – Вот и пришлось мне сегодня буквально навязать полковнику роль носильщика моих покупок.

– Я согласился на это исключительно по собственной воле, миссис Кодрингтон, – галантно поправил ее полковник, покачивая тесемками, на которых болтались два маленьких свертка. – Пожалуй, перейду на другую сторону, чтобы забрать ваши... как бишь их?

– Дюжину пурпурных кистей для штор, – напомнила Хелен.

– Вот именно!

«Полковник довольно тактично нашел предлог, чтобы оставить нас наедине», – подумала Фидо. Но без него между ними сразу возникло напряженное молчание.

– Ужасная жара, – выдавила она.

– А меня она возвращает в прошлое, – с очаровательной улыбкой сказала Хелен, слегка отклоняя зеленый купол зонтика и подставляя голову беспощадным солнечным лучам.

Глядя на ее свежее лицо, Фидо с трудом верилось, что ей уже около тридцати шести лет.

– В Италию? Или ты имеешь в виду Индию?

– О, и ту и другую: всю мою пылкую юность.

– А на Мальте... тоже было жарко?

У Хелен вырвался низкий грудной смешок, скорее похожий на рыдание.

– Значит, мы дошли уже до разговоров о погоде!

Фидо охватило раздражение.

– Видишь ли, сегодня у меня мало времени...

– Ну да, я едва не забыла, какой важной персоной ты стала! Мисс Фейтфул, известная поборница новых идей и филантроп.

От возмущения Фидо готова была схватить ее за плечи и встряхнуть, как куклу.

– Я предпочитаю называть себя женщиной, занимающейся делом.

– Теперь понятно, почему я была забыта, как только покинула родину, – с горькой усмешкой заметила Хелен. – Ты была слишком поглощена своей героической битвой в защиту нашего угнетенного пола!

Фидо была поражена.

– Что значит – забыта?

Хелен изящно повела обнаженными плечами.

– Однако, наверное, существуют способы сделать это не так резко и жестоко, ты согласна? – Внезапно Хелен оставила шуточный тон. – Известно, что порой дружба подвергается тяжелым испытаниям. Но ты могла бы расстаться со мной более бережно – после всего, что между нами было.

Фидо сморгнула попавшую в глаз угольную пыль.

– Я хочу сказать, что с твоей стороны это было слишком грубо и бесцеремонно. И не в твоих правилах, насколько я тебя знала.

– Погоди! – Фидо взмахнула рукой в простой белой перчатке, словно желая заставить ее замолчать.

Но Хелен продолжала тараторить:

– Очевидно, ты все решила относительно нас с Гарри уже в тот момент, когда мы только поднимались на корабль, чтобы отплыть на Мальту, не так ли? Мы вдруг до смерти надоели тебе своими ссорами, да? – В ее голубых глазах блеснули слезы. – Я допускаю, что мы тебя утомили. Но, признаюсь, когда я поняла, что забыта, как забывают вчерашнюю газету...

– Но, дорогая! – гневно вскрикнула Фидо. – Твои обвинения несправедливы, просто чудовищны!

Хелен подняла на нее взгляд обиженного ребенка:

– Может, напомнить тебе, что я отправила на ваш адрес в Валлетте два письма, но ни на одно не получила ответа?

– Что за вздор ты несешь!

Фидо была совершенно сбита с толку.

– Неужели ты всерьез думала, что я на них не ответила? – воскликнула Хелен с оскорбленным видом.

– С Мальты?

– Разумеется, с Мальты! Я впервые оказалась в этой чужой для меня стране и как никогда раньше нуждалась в задушевной подруге. Почему бы я перестала тебе писать? Я изливала тебе все свои огорчения...

– Когда это было? – прервала ее Фидо. – В каком месяце?

– Как я могу помнить после стольких лет! – пожалала плечами Хелен. – Но я помню, что сразу ответила на твое письмо, – кстати, заметь, на одно-единственное твое письмо, которое получила от тебя за все время нашей жизни на Мальте. Я отправила тебе несколько длинных посланий, но ты просто перестала отвечать. Ты и представить себе не можешь, как я волновалась, когда приходила почта из Англии и я вскрывала пакет...

Фидо закусила губу с такой силой, что почувствовала солоноватый привкус крови.

– Той осенью я действительно переехала на новое место, – признала она. – Но почтовая контора должна была пересылать мне твои письма.

– Может, они затерялись по пути через море? – хмуря бровки, предположила Хелен.

– Одно – еще можно допустить, но чтобы континентальная почта работала так... нет, этого не может быть.

– Письма часто теряются.

– Это невозможно! – Фидо вдруг заметила, что говорит слишком громко, и умолкла. Подступившие слезы обожгли глаза. – Право, не знаю, что и сказать.

– О боже, я только теперь все понимаю! – с горечью воскликнула Хелен. – Я должна была снова и снова писать тебе, не обращая внимания на боль и обиду, которые причиняло мне твое молчание.

– Нет, это мне следовало писать! Но я думала... – Она пыталась вспомнить, что думала и переживала, когда Хелен не ответила ей, в тот странный год, когда Кодрингтоны отправились за границу, а она осталась в Лондоне одна, чувствуя себя беспомощной и растерянной. – Наверное, я думала, что для тебя эта глава жизни осталась в прошлом.

– Фидо, моя дорогая! Ты для меня – не глава, а многотомный роман! – горячо возразила Хелен.

У Эмили голова пошла кругом, а тут еще этот палящий зной. Она боялась расплакаться прямо здесь, на Фаррингдон-стрит, в двух шагах от своей конторы, где ее может увидеть любой клерк.

– Какое нелепое недоразумение, как в оперетте! Мне невероятно грустно.

– Мне тоже. Эти семь лет показались мне целой вечностью!

Произнеси это любая другая женщина, и Фидо сочла бы сказанное грубым преувеличением, но почему-то в устах Хелен эти слова звучат чарующе искренне. В ее тоне слышна была какая-то торжествующая нотка – так могла сказать актриса, сознающая, что она сама лучше, чем роль, которую она играет.

Она сильно сжимала руку Фидо, затянутую в нитяную белую перчатку.

– И не странно ли, что я снова увидела тебя всего через две недели после нашего возвращения? Ты словно роза в этих диких городских зарослях! – чересчур возвышенно произнесла она и, выпустив руку Фидо, широким жестом указала на шумную толпу.

Фидо заметила светлые кудри полковника Андерсона, который направлялся к ним с другой стороны Фаррингдон-стрит, поэтому быстро проговорила:

– Я все думала, не появилось ли у тебя новое занятие, целиком тебя поглотившее, – может, еще один ребенок?

Хелен смеясь передернула плечами:

– О нет! Уж на этот счет между мной и Гарри – полное понимание.

– Твоим девочкам сейчас, должно быть, лет десять, да? – При этой мысли Фидо стало совсем грустно. Она живо представила себе двух малышей в их детской, увлеченно запускающих волчки.

– Нет, одной одиннадцать, а другой уже двенадцать. О, Нэн и Нелл стали настоящими барышнями! Ты их не узнаешь.

В этот момент к ним подошел шотландец.

– Очень досадно, миссис Кодрингтон, – докладывал он, – но в магазине нашлось всего восемь кистей пурпурного цвета. Я велел управляющему, как только они получают новую партию, прислать недостающее количество к вам на Экклестон-сквер.

Перед внутренним взором Фидо мгновенно предстали высокие белые стены здания в Белгравии, которое она когда-то называла своим домом.

– Вы поселились в том же доме? – взволнованно спросила она у Хелен. – Вам удалось отказать арендаторам?

– Да, дорогая, все в том же, – ответила Хелен. – Мы с Гарри вернулись к прежнему образу жизни, как к вынутому из гардероба старому шерстяному плащу, изъеденному молью.

– Кажется, это у Троллопа⁵ кто-то говорит девушке: «Не позволяй ему уводить тебя дальше Экклестон-сквер»? – вставил полковник Андерсон.

Фидо смеется.

– Да, он до сих пор остается последним оплотом респектабельности.

– Вы тоже живете в Белгравии, мисс Фейтфул?

– Нет, я из Блумсберри, – уточнила она слегка виновато. – Я одна из «новых женщин», таким не полагается обитать на Экклестон-сквер.

– Даже «издателю ее величества»?

– Думаю, именно из-за этого титула. Нет, я живу скромно и одиноко на Тэвитон-стрит, читаю за завтраком «Таймс», что крайне смущает мою горничную.

Все дружно рассмеялись.

– Я как раз направлялась домой после утра, проведенного в моей шумной конторе, она находится вон там, в доме под номером 83. – Фидо указала рукой вдоль Фаррингдон-стрит. – Сейчас там набирается ежедневная газета «Друг народа»⁶, а завтра она пойдет в типографию.

– Наверное, очень интересно! – пробормотала Хелен.

– Ничего особенного. Помощники удивительно упрямые, а бумага коробится от жары!

Фидо говорила спокойно, хотя в душе она была задета явным равнодушием подруги к делу, в котором она видела смысл всей своей жизни. Порой, проснувшись, она вся трепетала от радости, что занимается издательским делом, а не осталась просто младшим отпрыском многочисленного семейства преподобного Фердинанда Фейтфула.

– Я возьму на стоянке кеб, – предложил Андерсон, – и развезу вас по домам, дамы. Не возражаете?

– У меня идея получше! – воскликнула Хелен. – С тех пор как я прочла о подземной железной дороге⁷, я мечтаю спуститься в этот ад.

Фидо улыбнулась, вспоминая, что значит быть втянутой в орбиту этой женщины с ее неожиданными прихотями и неистребимым жизнелюбием.

– Не хочу тебя разочаровывать, но там вполне респектабельно.

– Ты уже побывала там?

– Еще нет. Но, между прочим, мой врач считает, что мне это было бы полезно, – неожиданно для себя заявила Фидо.

– Моя подруга страдает астмой, – пояснила Хелен полковнику.

«Моя подруга»! Эти два слова кружат Фидо голову.

---

⁵ Троллоп Энтони (1815—1882) – английский писатель, романист Викторианской эпохи.

⁶ «Друг народа» – издававшаяся в это время чартистская газета.

⁷ Первый участок лондонского метрополитена открылся в 1864 г.

– Метро – необычайно удобное новшество, – сказал он, – и, конечно, передвигаешься в нем быстрее, чем по переполненным улицам.

– Тогда вперед! В путешествие во чрево земли!

Рука без перчатки теплой змейкой скользнула под локоть Фидо.

Их путь лежал через новую строительную площадку. Андерсон поддерживал дам на хлипких дощатых мостках, желтая юбка Хелен раскачивалась колоколом. На разрытом пустыре сотни тачек, лопаты так и мелькали в руках землекопов, чьи загорелые лбы напомнили Фидо скучные лекции о приемах художественного изображения лица, которые она недавно посещала в миссионерской школе Компании Южных морей.

– Я едва узнаю Лондон – он протягивает свои щупальца во все стороны, – заметила Хелен.

– Да, а правительство с прискорбным равнодушием относится к нуждам бедняков, – живо откликнулась Фидо, – застройщики тысячами сгоняют их с прежнего места жительства...

Но Хелен ничего не ответила, а лишь остановилась и смахнула соринку с оборки юбки, и Фидо поняла, что ее подругу по-прежнему не волнуют подобные вещи. Превращаясь, то есть молодая, Фидо тоже не слишком интересовалась положением народа, а если и знала что-то, то лишь по впечатлениям от поездок с матерью в Сюррей по приходским делам. Тогда ее интересовала не статистика, а романы, балы и удачные браки. Но за прошедшие семь лет разлуки взгляды Фидо серьезно изменились, и теперь, похоже, их с Хелен разделяет зияющая пропасть.

Увидев, как сверкают в проникающих через застекленную крышу солнечных лучах позолоченные буквы названия станции «Локаст», Хелен возмутилась:

– Но мы вовсе не под землей!

– Одна из многих добродетелей – терпение, – наставительно пробормотал полковник Андерсон, помогая дамам войти в уютный вагон первого класса.

Белые стены, диваны красного дерева, зеркала, прекрасная ковровая дорожка – вагон напоминает гостиную, отметила про себя Фидо. Из подвешенных к потолку газовых светильников в форме шара льется свет, бледный, но вполне достаточный даже для того, чтобы читать, и странный резкий запах.

Хелен прижалась к Фидо и театрально вздрогнула:

– На мой взгляд, сочетание газа и огня в туннеле представляет большую опасность.

Это удивило Фидо: раньше перспектива даже малейшего риска вызывала у Хелен восторженное предвкушение.

– Полагаю, мы можем довериться изобретателям метрополитена.

– Если произойдет взрыв, – успокоил Андерсон Хелен, – я вас мигом вынесу отсюда. Я имею в виду вас обеих, леди, – учтиво уточнил он. – Просто зажму под мышкой, как овечек.

При этой вольности Фидо удивленно подняла брови.

– Прощу прощения, я, кажется, позволил себе слишком увлечься. – Вьющиеся бакенбарды полковника в этот момент еще больше напоминали вислые уши спаниеля.

– Ты должна извинить полковника, – смеясь, прошептала Хелен на ухо Фидо. – На Мальте мы слишком распустились, видимо, под жарким солнцем незаметно испарились все наши английские понятия о приличиях.

Впрочем, сама Хелен провела детство в Калькутте, а юность во Флоренции, и ее никак нельзя назвать типичной англичанкой; она всегда беззаботно пренебрегала принятыми правилами поведения женщин в обществе. Этим ее качеством Фидо восхищалась еще в юном возрасте, задолго до того, как серьезно задумалась о деспотизме этих правил.

Хелен устремила взгляд на наклеенную на окно маленькую афишку с изображением сердца и надписью, выполненной готическим шрифтом: «Мертвое сердце».

– Это название пьесы, – объяснила ей Фидо.

– А! – вздохнула леди Кодрингтон. – Я столько времени отсутствовала, что совсем отстала.

– Весь город усыпан этими назойливыми плакатами, – проворчал Андерсон. – На самом деле реклама уже свое отжила, теперь публику не обманешь.

– Кстати, когда ты бываешь в театре, тебя не бесят женщины, которые не решаются смеяться? – спросила Хелен у Фидо.

– Ужасно бесят! – ответила та и улыбнулась в ответ.

Самым странным ей показался этот всплеск привычной близости, будто подруги ни на минуту не разлучались.

От пронзительного свистка Фидо вздрогнула; поезд дернулся и отошел от станции. И она сразу почувствовала, как платье становится влажным под мышками и на спине; грудь ее сдавило, она задыхалась. Колеса скрежетали, двигатель грохотал. Вагон наполнился испарениями, вызывающими у нее отчаянный кашель. Андерсон встал, чтобы открыть окно.

– Дыши глубже, – заботливо посоветовала Хелен, поглаживая Фидо по спине.

Из-за резкого запаха газа она старалась глубоко дышать и задерживать воздух в легких. Поезд вполз в темный туннель, и газовый свет приобрел зеленоватый оттенок. На большой скорости из-за судорожной работы мотора возникла странная вибрация. Над ними больше двадцати футов плотного лондонского грунта. Как все это переносят пассажиры третьего класса в открытых вагонах? Этот туннель не похож на железнодорожный – ему конца не видно.

– Немного угнетает, верно? – заметила она, но ее не слышно из-за визга и скрежета колес.

Больше она не разговаривала из-за сухого кашля, раздражающего ей легкие. В перерывах между приступами Фидо дышала тяжело, с хрипом. Она порылась в сумочке и выхватила оттуда носовой платок.

– Позволь мне! – Хелен забрала у нее сумку. – Тебе, наверное, нужен вот этот маленький пузырек...

Фидо открыла его судорожным движением и поднесла к носу. От аромата камфары с ментолом защипало глаза, она снова стала задыхаться. С усилием она сделала глубокий вдох, и пары лекарства обожгли ей горло, но входящий в состав микстуры лауданум сразу ослабил боль в груди.

Поезд наконец остановился. Андерсон что-то сказал ей на ухо насчет станции «Кингс-Кросс», может ли она еще немного потерпеть или им выйти? Она покачала головой, не в силах говорить. Ее несчастные бронхи!

Еще несколько минут качки и бросков из стороны в сторону – и поезд снова остановился: станция «Эустон». Андерсон помог ей встать, Хелен поддерживала ее с другой стороны. Они поднялись по длинной изогнутой лестнице, останавливаясь, когда Фидо сотрясали приступы мучительного кашля.

Наконец они вышли на Гоуэр-стрит. Солнце скрылось за большим облаком, и на улице стало немного прохладнее. Фидо почувствовала себя лучше и даже смогла произнести:

– Право, мне уже легче.

– Это все из-за меня, – виновато пробормотала Хелен, когда они повернули на Эндслей-Гарденс. – Мои прихоти часто оборачиваются неприятностями...

– Вовсе нет, – хриплым голосом возразила Фидо. – Мой доктор рекомендует мне проводить эксперименты.

Лицо Хелен посветлело.

– Но ведь это восхитительно – пересечь весь Лондон всего за несколько минут, не так ли? Фидо кивнула, и ее снова одолел сильнейший приступ кашля.

У подъезда в дом на Тэвитон-стрит привратник в цилиндре выразил такую озабоченность состоянием мисс Фейтфул, что Андерсон счел себя обязанным дать ему на чай.

– Извини, – сказала Фидо, высвобождая свою руку из-под локтя подруги и останавливаясь на лестнице. – Я уже полностью оправилась. – От крайнего смущения голос ее звучал почти сердито. – Вы были невероятно добры, полковник.

– Счастливы были оказать любую помощь такой известной леди, – заверил ее Андерсон, почтительно склонив голову.

– Ты обещаешь, что сейчас приляжешь отдохнуть? – прошептала ей на ухо Хелен. – А утром черкни мне пару слов.

– По меньшей мере небольшой рассказ!

Они со смехом простились, неохотно разняв горячие руки. Как странно, подумала Фидо, семь лет молчания унесло прочь, словно ветром опавшие листья.

Она открыла дверь своим ключом, не считая нужным отрывать слуг от дела, беспокоя их звонком.

Преподобный Фейтфул, возвращаясь с женой в Хэдли из редких поездок по церковным делам, приходил в ужас, узнавая о нововведениях, которые Фидо считала вполне оправданными и разумными. Ее отец, приходской священник, принадлежал к старой, почтенной церкви и придерживался умеренных взглядов. Для чтения проповедей он всегда торжественно облачается в черный фрак и с одинаковым презрением относится к трактарианцам⁸ и к адептам Низкой церкви⁹, и тех и других называя пустомелями. Фидо не любит вспоминать о тяжелых переживаниях отца из-за ее стремления вырваться на свободу. В двадцать два года, после отъезда Кодрингтонов, она оказалась в Лондоне одна, без дружеской поддержки, и у нее началась тихая, но упорная борьба с родителями, увенчавшаяся ее победой. Они мудро примирились с фактом, что она – здравомыслящая незамужняя особа, которая скромно живет на собственные средства, пытаясь завоевать свое место в литературном мире. Но, когда через два года Фидо объявила им, что принимает участие в борьбе за права женщин и основывает издательство, чтобы доказать способность женщин на профессиональную работу, миссис Фейтфул с покрасневшим от возмущения лицом спросила ее, известно ли ей, что, если женщина занимается каким-либо ремеслом, даже из высших побуждений, то общество отворачивается от нее? Фидо резко возразила, позволив себе дать нелестную оценку ленивым женщинам, о которой и сегодня вспомнила со жгучим стыдом, тем более что ее мать всю жизнь трудилась не покладая рук.

А что же теперь? По-прежнему ли родители считают самую младшую из своих восьми дочерей женщиной достойной называться леди? Лучше не спрашивать. Формально они смирились с ее жизнью в столице – это «твоя миссия», сразу сказала ее мать, вероятно, именно так она говорит и соседям в Сюррее, – но Фидо чувствовала их отчужденность. Они предпочли бы, чтобы она, подобно сестрам, обосновалась в каком-нибудь маленьком городке и рожала по ребенку в год.

Поднявшись в спальню, Фидо поймала свое отражение в зеркале. Умные карие глаза на широком полном лице... Что ж, сравнение напрашивается само собой: похожа на упитанную собаку. Мягкие каштановые волосы стянуты на затылке простой лентой. Подбородок слегка наплывает на белый кружевной воротничок, потерявший свежесть после утра, проведенного в Сити. В свое время ей стоило мужества отказаться от корсета и кринолина, но сейчас она не жалела об этом. (Они не добавляли ей привлекательности, а делали лишь еще одной овцой в оборках, покорно бредущей со всем стадом.) Когда сегодня она шла с Хелен рука об руку, ей вдруг подумалось, что они выглядят как героини разных книг. Что ж, Фидо такова, какой создал ее Господь и какой ей нравится быть. Во всяком случае, одевается она просто, чисто и не вызывающе, так что внимания к себе не привлекает. Ее одежда будто говорит за нее: «У меня есть более важные дела, мне неинтересно знать, смотрит на меня кто-нибудь или нет».

---

⁸ Трактарианство – еще одно название возникшего в 40-х гг. XIX в. Оксфордского движения за религиозное возрождение церкви Англии; началось с издания «Трактатов для нашего времени», публиковавшихся с 1833 по 1841 г. (90 выпусков).

⁹ Низкая церковь – религиозное учение англиканской церкви, наиболее близкое протестантизму.

Сбросив туфли, она легла на кровать, поразмыслив над тем, как было бы приятно принять душ, но компания дает воду только по утрам. И решила, что первый и последний раз она позволила заманить ее в темный грохочущий метрополитен. Иногда ей бывало слишком тяжело в этом городе, он напоминал шумный механизм, который угрожал перемолоть и поглотить ее, и она сомневалась, что со своей астмой сможет протянуть здесь хотя бы до сорока лет. Но если бы она тихо и мирно жила в провинции, о чем так мечтают преподобный Фейтфул и его жена, то скончалась бы не от удушья, а от невыносимой скуки и апатии. При всей своей грязи и мерзости Лондон для нее – бурное средоточие всего, что ее интересует, и единственное место, где она может интересно жить.

Она достала из ящика тумбочки коробку «Свит триз» и коробок с безопасными спичками.

«Хелен вернулась!» Фидо никак не могла в это поверить.

После второй сигареты она на некоторое время погрузилась в сон, а проснувшись, звонком вызвала свою горничную Джонсон, чтобы та принесла ей холодную баранину с солеными огурцами. За едой она всегда что-нибудь читала, экономя время и упражняя мозг. Сейчас перед ней последняя статья «Одинокие женщины и как им помочь», присланная Обществом социологических наук. Фидо недовольно поморщилась, обнаружив опечатку, которую должна была заметить еще в гранках.

Она прервала чтение, спрашивая себя: насколько велики шансы столкнуться в Лондоне со знакомым человеком? Согласно последней переписи, в нем три с половиной миллиона жителей. Она бы не удивилась так сильно, встретиться они где-нибудь в Белгравии или дома у общих знакомых. Но заметить друг друга на Фаррингдон-стрит, вечно кишашей банковскими и конторскими служащими, уличными торговцами и прочими пешеходами, всего через две недели после возвращения Кодрингтонов в Англию, когда Хелен занята поисками кистей для штор, а у Фидо на уме только заказы издательства, – нет, это не может быть простой случайностью! Поистине поразительное везение – после нелепого недоразумения с затерявшимися письмами, оборвавшего их дружбу. Фидо приятно сознавать, что своей теперешней жизнью она обязана самой себе, что она сама управляет ею, как умной и отлаженной машиной, но сегодняшняя встреча настолько неожиданна, что она всерьез усомнилась в том, что все в жизни можно спланировать.

Статья упала на покрывало, а Фидо мысленно оказалась в Кенте, на том самом месте Уолмер-Бич, где в 1854 году впервые увидела Хелен Кодрингтон – женщину с медно-рыжими волосами, сидящую на обломке скалы, подобно русалке, с устремленными на море голубыми глазами, полными слез. Девятнадцатилетняя Фидо приехала помочь своей сестре Эстер, у которой родился еще один ребенок, и совершенно не знала жизни. Да, по своей крайней наивности она подумала, что эта женщина грустит о разлуке со своим храбрым капитаном (недавно отправившимся на войну в Крым), а, конечно, не о том, что вышла за него замуж.

Отец и мать Фидо любили и уважали друг друга: что могла их дочь знать о грязных играх между мужьями и женами? Она мало что понимала в семейной жизни – да и вообще в жизни, поправила она себя, – до знакомства с Кодрингтонами. До того, как оказалась втянутой в угнетающие ее сложные отношения между суровым мужчиной с твердыми принципами и слабовольной темпераментной женщиной. Их связывали лишь две дочери и вся сила законного брака.

Как ни странно, но Фидо полюбила обоих. У нее сразу возникло безотчетное влечение к Хелен, и девушка устремилась навстречу к ней, словно пчела на аромат цветка. Но и к высокому бородатому капитану Кодрингтону, как только в ноябре он вернулся домой, она испытывала симпатию. В Крыму наступила зима и положила конец тому, что он называл «подобающими военными действиями». Ей понравились его серьезность, его преданность своему делу, теплое отношение к детям; для Фидо он был образцом настоящего мужчины. Он тоже сразу

приветливо отнесся к новой компаньонке жены, достаивал ее разговорами на серьезные темы, как если бы считал ее умной и развитой, в отличие от других юных дебютанток, второй год выезжающих в свет. Уже через месяц она переняла манеру его жены называть его Гарри. Как-то раз, когда Хелен вспылила из-за какой-то ерунды, кажется причиной был пирог, и выбежала из комнаты, Гарри признался Фидо, что считает благотворным ее влияние на его жену, что девочки обожают свою «тетю Фидо», и выразил искреннюю надежду на то, что она будет считать Экклестон-сквер своим родным домом, если родители отпустят ее из Хедли. И мало-помалу, без дальнейших разговоров Фидо стала чувствовать себя членом их семьи.

Она была полна оптимизма не только как подруга Хелен, но и как друг обоих супругов. Не может быть, чтобы эти мужчина и женщина, пусть и такие разные, не могли стать счастливыми! Если бы Гарри, которому было около пятидесяти, стал немного снисходительнее и спокойнее, если бы он понял, что его молодая жена больше похожа на легкомысленную стрекозу, чем на трудолюбивого муравья, если бы Хелен, в свою очередь, осознала необходимость смириться со своей судьбой, которую сама выбрала, согласившись выйти за него замуж, а не мечтать о несбыточной жизни, вычитанной в романах... Так думала Фидо в первые годы жизни на Экклестон-сквер.

Вскоре она со смущением поняла, что считает себя подобной мисс Найтингейл с ее светильником¹⁰. Она старалась не занимать ничью сторону, но, как она теперь понимала, это не очень хорошо ей удавалось. В середине 1850-х годов Гарри часто и подолгу принимал участие в военных кампаниях страны, но и в перерывах между ними он чувствовал себя посторонним, не смея вторгаться в магический круг близких отношений женщин. «Я называла ее Мадре¹¹, – вспоминала Фидо, – иногда Малышкой». Фидо представлялись таинственными электрические цепи чувств, возникающие между двумя женщинами разного возраста, происхождения и темперамента; это взаимное влечение, как звон колокола, недоступный слуху мужчин. Не понимая всего этого, она всегда отзывалась на этот зов, как искатель подземного источника на голос воды, спрятанной под толщей земли.

Подчиняясь внезапному импульсу, она вдруг отставила поднос с обедом, встала и отперла маленький ящик в своем бюро. В самом конце его она нашла бархотку, бережно завернутую в кусок полотна. Простая, дешевая, но красивая вещица – на черную бархатную ленточку нашиты жемчужины, ракушки, кусочки янтаря, эти маленькие сокровища кентского побережья. Хелен подарила ей эту бархотку в первую годовщину их знакомства, и Фидо часто надевала ее в течение трех лет, которые про себя называла «годами Кодрингтонов».

В то время она очень осуждала себя, да и было за что. Дело в том, что, несмотря на ее разумные и любящие советы, брак Кодрингтонов распался у нее на глазах. Она старалась сохранить его изо всех сил, но ее усилия оказались напрасными.

И хуже того: выступая в роли наивного посредника, она поневоле стала препятствием для счастливого брака. В тот последний, злосчастный 1857 год Хелен окончательно захлопнула для мужа дверь своей спальни и категорически потребовала – по-своему истолковав заметку в «Телеграф» о новом Законе о бракоразводных процессах – отдельного жительство с ним на основании «несовместимости» (будто что-либо подобное было в законе)... Фидо так и не смогла разобраться в этой головоломке. И чем больше она старалась помочь, тем больше увязала, тем сильнее запутывала отношения, в которые ей лучше было бы не вмешиваться.

Вспоминать все это трудно и бесполезно. До сих пор существуют вещи, которые она не понимает; и к ним относятся подробности сложных семейных отношений Кодрингтонов, кото-

¹⁰ Найтингейл Флоренс (1820—1910) – сестра милосердия и общественный деятель Великобритании. Во время Крымской войны солдаты называли ее «леди со светильником», потому что по ночам она с лампой в руках, как добрый светлый ангел, обходила палаты с больными.

¹¹ Мадре (исп.) – мать.

рые она предпочитала забыть. В том числе ужасные ссоры, отчаяние и мучительные переживания обоих супругов.

Ей по-прежнему стыдно было вспоминать, что Гарри пришлось попросить ее уехать. (Она хотела уехать еще раньше, но Хелен так отчаянно за нее цеплялась, а тут еще рыдающие малышки...) Он сделал это очень тактично, сказав, что «посторонний человек не обязан выносить подобные сцены». Но Фидо уезжала из дома на Экклестон-сквер как побитый ребенок.

А через несколько месяцев она узнала, что капитан Кодрингтон получил звание контр-адмирала и назначен на Мальту начальником морского порта Валлетты. Его жена и дети поехали вместе с ним на этот первый сухопутный пост, поскольку адмиралу предоставлялся просторный дом с множеством комнат, а выросшую в тропиках Хелен, в отличие от большинства англичанок, жара не пугала. И вот они поехали всем семейством. «Вы начнете все заново, – говорила Фидо заплаканной Хелен в то лето 1857-го. – Сам Бог послал вам этот шанс». Ей самой очень хотелось в это верить, она так надеялась на счастливую развязку.

«А какие у них отношения сейчас?» – задумалась она, перестав поглаживать бархотку. В голосе Хелен прозвучала лишь нотка грусти, когда она сообщила, что Гарри целиком зарылся в своих бумагах. Возможно, за семь лет они притерлись друг к другу, противоречия сгладились. Может, им каким-то образом удалось преодолеть старую антипатию и достичь «сердечного согласия»?

Тогда, перед их отъездом, Фидо собиралась писать им два раза в неделю и подолгу гостить у них на Мальте. Она продолжала носить эту бархотку и надевала ее еще долго после того, как перестала получать ответы на свои письма. Она только сегодня узнала, что их дружба прервалась – страшно подумать! – по чистой случайности, из-за небрежной работы мальтийской почты.

Фидо завернула и убрала бархотку на прежнее место. Наверное, теперь эта драгоценная ленточка уже не сойдется у нее на горле. Теперь она стала более зрелой, и не только телом, но и разумом. Сказались семь лет одиночества, когда ей приходилось рассчитывать только на свои силы. Фидо пришлось быстро повзрослеть и самой строить свою жизнь, целеустремленную, полезную и удовлетворяющую ее душевные потребности; жизнь полную смысла (как она называла ее про себя).

Но почувствовать, как подернутая седым пеплом дружба снова разгорается огнем...

Довольно! Так она сегодня не заснет.

Фидо выставила поднос за дверь, добавила «Одиноких девушек» к стопке других материалов и выдвинула нижний ящик тумбочки, где прячутся ее книги. Среди них нет ничего неприличного; на всех корешках красуется Пегас из библиотечки Муди¹². О романах мисс Брэддон¹³ и мистера Коллинза¹⁴ говорят всякие нелепости – будто они будоражат нервную систему и доводят читателей до пьянства или безумия. Фидо же находит их произведения очень интересными, позволяя их себе в маленьких дозах; как и в отношении любого стимулятора, здесь важен умеренный прием. Жуткие тайны, убийства, двоеженство, погони – после трудного дня нет ничего лучше такого увлекательного чтения. На этот раз она достала «Тайну Ноттинг-Хилла»¹⁵ и нашла свою закладку.

Через две страницы она поймала себя на том, что смотрит в пустоту. Странно... За эти последние семь лет она привыкла к своему одиночеству и чувствовала себя прекрасно. «Но

¹² Муди Чарльз Эдвард (1818—1890) – английский издатель и основатель публичной библиотеки и серии книг, печатавшихся по подписке.

¹³ Брэддон Мэри Элизабет (1837—1915) – британская писательница Викторианской эпохи, наиболее известная по своему роману «Тайна леди Одли».

¹⁴ Коллинз Уилки (1824—1889) – английский писатель, автор 27 романов, 15 пьес и более чем полусотни рассказов.

¹⁵ «Тайна Ноттинг-Хилла» – считается первым настоящим романом в жанре детектива, написанным неизвестным автором под псевдонимом Чарльза Феликса; роман вышел отдельным изданием в 1863 г.

вот мы случайно встретились на Фаррингдон-стрит; в этом многомиллионном городе Хелен коснулась моей руки!»

Во всяком случае, глупо так долго над этим размышлять и строить какие-то предположения, поскольку встреча уже состоялась и она не отвергла бывшую подругу. Надо честно признаться, что на свете не существует человека, в общении с которым она находила бы большее удовольствие, чем с Хелен Кодрингтон. Несмотря на ее слабости, на непредсказуемость и сложные, запутанные отношения. Все! Могила раскрыта, и их похороненная когда-то дружба воскресла.

На следующий день Фидо предстояло следить за набором газеты «Друг народа», типографии очень выгоден контракт на ее издание. Но она была не в силах справиться с волнением и наконец оставила вместо себя самого опытного, несмотря на молодость, старшего наборщика мистера Хеда. Она послала мальчика за тарантасом и назвала кучеру адрес, посетовав про себя на предрассудки высшего общества: она леди и должна передвигаться в громоздком четырехколесном экипаже, где может поместиться целая семья, а не в двуколке. Перед домом на Экклестон-сквер человек в фартуке разбрасывал гравий и поливал его водой, чтобы прибить пыль. Фидо вышла из экипажа и посмотрела на дом за зеленой оградой: он выглядел абсолютно таким же, как в тот день, когда она его покинула. У нее перехватило дыхание, и она уже почти пожалела, что приехала. С той минуты, как она снова встретилась с Хелен, ее буквально одолевали воспоминания, они просто не давали ей покоя.

Экономка миссис Николс, как всегда суровая и угрюмая, встретила ее, обращаясь по имени, будто и не прошло долгих семи лет, и велела горничной проводить ее в сумрачную гостиную. Кроме стен из дубовых, потемневших от времени панелей, здесь все обновлено. Муслиновые гардины приподняты, открывая тесно уставленные горшки с комнатными растениями в стеклянных витринах, встроенных в окна; на каминной решетке красуется павлин, искусно сделанный из разноцветной бумаги. На зеленых с розовым обоях рельефный узор из виноградных лоз. Кажется, в комнате стало гораздо больше мебели, чем прежде, при этом вся она, вплоть до столиков разного размера, этажерок и стульев, украшена инкрустацией и затейливой резьбой. Фидо рассматривала бронзовые вазы, фотографии незнакомых людей на прищипке в саду, бенгальские шали, статуэтки собачек с позолоченными глазами. С жардиньерок пышным каскадом свисала блестящая зелень папоротников, на блюдах живописно разложены фрукты из воска, в круглом аквариуме плавала серебристая рыбка, повсюду развешаны клетки с жаворонками, попугаями и какаду, все – чучела, только какаду, напугавший ее пронзительным криком, – живой.

– Здесь все иначе, – сказала она, оборачиваясь к врывающейся в комнату Хелен, облаченной в сиреневый капот.

Ее подруга улыбнулась и достала из инкрустированного шкафчика банку с чаем и сахарницу.

– Я только приступила к обстановке. Думаю, мне понадобится не меньше года, чтобы превратить эту старую халупу в настоящий дом, но гостиной пришлось заняться сразу, как только мы приехали. Я как безумная ношусь по магазинам, побывала уже у Свона, Уайтли и Эдгара. Взгляни на эту затейливую металлическую шкатулку, угадай, что это такое?

Фидо открыла ее, и изнутри шкатулки выскочила стеклянная чернильница.

– А это – настоящие листья, покрытые металлом при помощи электролиза, – понятия не имею, что это значит, – смеясь, сказала Хелен. – У меня было бы все самое модное и современное, будь Гарри немного пощедрее, – тихонько добавила она.

Фидо с ужасом узнала старую тему.

Дамы уселись на мягком диване, обитом красным бархатом, и миссис Николс принесла поднос с чаем.

– А я наверху играла с девочками в фанты, – объяснила Хелен.

И как раз в этот момент вошли Нэн и Нелл в белых фартучках поверх платьев, волосы у девочек рыжие, как у мамы, гладко зачесаны назад и прижаты черным ободком, а ростом они пошли в отца, что, видимо, их смущает: они неловко топтались на брюссельском ковре с ало-зеленым узором.

– Скажите, мои милые, помните ли вы мисс Фейтфул, которая жила у нас до нашего отъезда на Мальту?

– Кажется, я помню, – неуверенно ответила одна.

– Но мы называли ее тетушка Фидо, – добавила другая.

– Ну конечно, – обрадованно кивнула Фидо, – и мне было бы очень приятно, если бы вы называли меня по-прежнему.

– Нэн у нас стала замечательно играть на фортепьяно, – похвасталась Хелен, подзывая старшую девочку и обвивая рукой ее тоненькую талию, словно сомневаясь, что Фидо знает, кто из них кто. – А еще прекрасно рисует акварелью. А вот Нелл...

– Я далеко не такая способная, – заявила Нелл.

– Зато у тебя больше добродетелей, – тут же вставила ее сестра.

Фидо рассмеялась:

– Вы отвечаете вместе, как раньше вместе играли в игрушки.

– О, у них все общее, даже ошибки, – улыбнулась Хелен. – Они все делают сообща, как маленькие заговорщицы.

Фидо порылась в памяти:

– Помнится, вы очень любили запускать волчок.

– О, у нас их целая коллекция – тридцать четыре волчка, – сообщила Нелл.

– Только мы больше в них не играем, для этого мы слишком взрослые, – уточнила Нэн.

– Да, мы уже выросли, – добавила младшая.

Их мать восхищена.

– Теперь их интересует только стереоскоп. – Она указала на приспособление из красного дерева и меди, стоящее на миниатюрном столике. – Стоит мне обернуться, и я вижу, что они уже прилипли к этому хитроумному прибору, что не очень полезно для зрения.

– Но это замечательная вещь, мама! В нем все совсем как настоящее.

– Стереоскоп намного интереснее старого волшебного фонаря в зале у Алленса.

– Когда я смотрю в стереоскоп на картинку с видом пропасти, мне кажется, что я вот-вот в нее упаду.

– Ну, довольно, отправляйтесь в классную, чтобы мама могла поговорить со своей подругой.

Проходя мимо госты, Нэн наклонилась и прошептала ей на ухо:

– Ты будешь снова жить наверху, тетя Фидо?

Та вздрогнула.

– Нет, дорогая, – растроганно сказала она, – но, надеюсь, мы будем часто видеться.

Девочки одновременно присели в реверансе, и горничная закрыла за ними двери.

«Странно, но почему-то мне тяжело оставаться наедине с Хелен», – подумала Фидо и невольно вздохнула.

Хелен натянуто улыбнулась:

– Ты так сильно изменилась, что вчера на Фаррингдон-стрит я не сразу решилась тебя окликнуть.

– Ты хочешь сказать, я постарела и растолстела?

– Нет-нет! Думаю, дело в том, что теперь ты не завиваешь волосы и отпускаешь их только до плеч. И юбку носишь более короткую.

То есть немодную, перевела в уме Фидо.

– Да, мы, работающие женщины, предпочитаем одеваться в загородном стиле. Чтобы платье не попало в машину и не волочилось по грязи.

– Гарри не потерпел бы, чтобы его жена ходила без корсета, – заметила Хелен.

Не слышалась ли в ее голосе нотка зависти? Снова возникла пауза. В доме им труднее поддерживать разговор, чем на улице. Разливание чая заняло полминуты, затем Фидо начала с жаром пересказывать содержание «Тайны Ноттинг-Хилла».

– Что ж, – снисходительно заметила Хелен, откидываясь на подушки, – вижу, в твоей напряженной жизни сохранились две привычки, позволяющие тебе расслабиться: чтение романов и... курение.

– Как ты...

Хелен звонко рассмеялась:

– Вчера в метро я держала тебя за руку, и потом от моих пальцев пахло турецким табаком.

– Смейся сколько тебе угодно, – смутилась Фидо. – Я предпочитаю заниматься этим втайне, когда уединяюсь в своей спальне. Что до моей напряженной жизни, то должна тебе сказать, что работа стала для меня настоящим открытием, находкой. Как там говорит миссис Браунинг?.. Ах да! Сама по себе работа важнее того, ради чего мы работаем.

Хелен иронически выгнула бровь:

– Но разве ты бездельничала до того, как стала бороться за права женщин?

– Ну, ничего серьезного – уроки латыни с отцом, шитье одежды для приходских детей! – Фидо пренебрежительно взмахнула рукой. – Когда я случайно наткнулась на экземпляр «Журнала английской женщины» и узнала об этом великом движении, – эти слова она произнесла с некоторым смущением, – то сразу явилась на Лэнгхэм-Плейс, представилась мисс Бесси Паркес и предложила располагать мною по ее усмотрению. О, это такое счастье – заниматься тем, что по-настоящему важно... – Она умолкла, спохватившись, понимая обидный смысл своих слов для Хелен.

Но подруга лишь коварно усмехнулась.

– Я имела в виду тех женщин, у которых нет других важных дел – например, воспитание детей, ведение домашнего хозяйства...

– Полно, полно тебе! Мы достаточно хорошо знаем друг друга, к чему эти церемонии. Обучением девочек занимается миссис Лоулесс, а хозяйством – миссис Николс, я уже давно вручила ей все свои ключи. Я провожу время в чтении, в поездках за покупками и... зеваю, – лениво возразила Хелен. – Сейчас, когда сезон еще не начался, в Лондоне царит невыносимая скука. – Она обвела взглядом гостиную. – Думаю провести сюда газовое освещение. Надеюсь, мне удастся уговорить на это Гарри под предлогом научного прогресса.

– Только не торопись и хорошенько подумай, – посоветовала Фидо. – На мой взгляд, с газом связано множество проблем. Случаются его утечки, в комнатах стоит резкий, неприятный запах, от копоти чернеют потолки, а летом от него слишком жарко.

– Гм... Зато он дает такой яркий свет! «Шагай в ногу со временем» – кажется, так звучит лозунг ваших «новых» людей?

– Мы имеем в виду подлинный прогресс, нравственный, – слегка задетая ее насмешливым тоном, возразила Фидо, – а не научные эксперименты.

– Я бы сказала, что руководство собственным издательским домом тоже является экспериментом. Довольно необычно для женщины – самой зарабатывать себе на жизнь.

Фидо усмехнулась:

– Вот что я скажу тебе, моя дорогая: если человеку платят за его работу, значит, кому-то нужны плоды его труда. И тогда у него появляется возможность творить добрые дела. Когда я впервые принесла в банк чек и получила настоящие золотые соверены... Может, тебе тоже попробовать? – весело предложила она.

Хелен рассмеялась:

– Скажи, ты читала в газетах на прошлой неделе про мадам Женевьеву?

– Я не знаю эту леди.

– Я тоже. Это циркачка, акробатка, которая ходит по натянутому канату. У нее есть муж и дети. Мадам Женевьева исполняла свой трюк с завязанными глазами на празднике в Бирмингеме, упала и разбилась насмерть. Выяснилось, что она была неуравновешенна...

– В отношении психики?

– В буквальном смысле! – уточнила Хелен. – Поскольку находилась на последнем месяце интересного положения.

Фидо в ужасе вздрогнула.

– Не значит ли это, что природа устанавливает некоторые границы для амбиций женщин?

– Этот трагический случай, Хелен, не может служить веским аргументом.

Хелен снова рассмеялась:

– Лично я чувствовала себя на последнем месяце неуклюжей коровой. Трудно подняться по лестнице, не говоря уже о том, чтобы балансировать на канате.

– Оставь этот тон, – серьезно произнесла Фидо. – А чувство гордости от сознания, что ты даришь жизнь еще одному созданию?

– И от кого я это слышу? От женщины, которая никогда этого не испытывала! – воскликнула Хелен, шутливо ткнув ее пальчиком в плечо. – Все, что я помню, – это запах хлороформа и странное ощущение, будто у меня в мозгу взлетают сигнальные ракеты. А потом сознание заволанивается туманом, и все обрывается, – объяснила Хелен. – К тому же в первые месяцы мои девочки не вызывали во мне никакой нежности. Новорожденные выглядят ужасно: отекающая голова, тощие ручки и ножки, которыми они судорожно дергают, как лягушки лапками.

Фидо не смогла удержаться от смеха.

– Однако, сделай милость, расскажи мне об этой Лэнгхэмской группе реформисток, вы ведь так, кажется, называетесь?

– Ты хорошо информирована. – Фидо почувствовала себя польщенной тем, что Хелен проявляет такой интерес к движению.

– Ну, в газетах, которые мы получали из дома, много писалось о тебе и твоих сподвижницах с Лэнгхэм-Плейс: про ваш «Журнал английской женщины», законопроект о собственности замужних женщин, про твое издательство «Виктория-пресс»...

– Значит, ты читала и презрительные отзывы о нас, и одобрительные. А реформистками нас прозвали наши противники, и мы, как в свое время квакеры, приняли это название, чтобы доказать, что мы занимаемся серьезным и важным делом и что мы выше издевательских насмешек.

– А лидер вашей группы мисс Паркес?¹⁶

Фидо покачала головой:

– Мы представляем собой неофициальное общество единомышленниц. Каждая из нас занимается улучшением доли женщины в разных областях. Ты помнишь страшное прошлогоднее кораблекрушение, когда погибли все до одной пассажирки, потому что не умели плавать? Вообрази, нам удалось убедить купальни Мерилибон раз в неделю устраивать для женщин занятия по обучению плаванию.

Но занятия по плаванию Хелен не интересовали.

– Но ведь в каждой организации непременно есть свой лидер.

– Что ж, тогда нашим лидером можно назвать мадам Барбару Бодишон¹⁷, в девичестве Смит, – сказала Фидо, – на собственные средства она организовала первые кампании за права

---

¹⁶ Паркес Бесси Райнер (1829—1925) – английская поэтесса, писательница и выдающаяся деятельница женского движения, известная своей борьбой за право женщин на труд и профессиональное образование. В 1858 г. вместе с Бодишон основала первый английский феминистский журнал «Журнал английской женщины».

¹⁷ Бодишон Барбара Лей Смит (1827—1891) – английская художница, экономист, преподавательница и активистка жен-

женщин и руководила ими. Но она вышла замуж за доктора из Алжира и большую часть года проводит в этой стране.

– Довольно разумно с ее стороны, – иронически заметила Хелен.

– Мисс Бесси Паркес – главный помощник и близкая подруга мадам, она основала «Журнал английской женщины» и редактировала его до тех пор, пока по состоянию здоровья не была вынуждена передать эту работу мисс Дэвис – нашей новой, удивительно талантливой подруге... Пожалуй, я сказала бы, что мисс Паркес можно считать «первой среди равных», – признала Фидо. – А я занимаюсь главным образом издательством и Обществом содействия трудоустройству женщин, сокращенно ОСОТРУЖ.

– Не очень благозвучная аббревиатура, – усмехнулась Хелен.

– Сейчас уже все привыкли. Но пять лет назад, когда мы с таким энтузиазмом основывали его, многие посмеивались.

– А скажи, кто из этих леди... Полагаю, все вы леди?

Фидо смутилась.

– Да, по образованию, если не по рождению. Мисс Бушере¹⁸ достаточно состоятельна, чтобы охотиться верхом с собаками, а мисс Крейг – дочь перчаточника, – с некоторым вызовом ответила она.

– Но меня интересовало, кто из них твой настоящий друг?

Фидо посмотрела на Хелен с недоумением.

– Ну, кто занял мое место?

Ее насмешливый тон задел Фидо.

– Хелен! Видно, ты плохо знаешь меня, если думаешь, что я способна пожертвовать старой дружбой ради новой!

Лицо Хелен озарилось сияющей улыбкой.

– Как отрадно это слышать!

– Конечно, всех нас на Лэнгхэм-Плейс связывают узы товарищества и взаимной симпатии, но... Например, Иза Крейг¹⁹ очень милая и приятная, но не знаю, могу ли я считать ее своим настоящим другом. И после смерти мисс Проктор²⁰...

– Ты лично знала эту поэтессу? – изумилась Хелен.

– Аделаида была нашей самой энергичной и самой мудрой сотрудницей, – с грустью сказала Фидо. – С тех пор как мы потеряли ее, в нашем кругу стали резче проявляться разногласия, чаще вспыхивают дискуссии... Но нас по-прежнему объединяет общая цель, – поспешно добавила она, опасаясь, что ее неправильно поймут. – Всеми нами движет большая любовь и сострадание к людям.

Хелен презрительно фыркнула.

– Мне приходилось заниматься благотворительными распродажами с женщинами, которых я бы с радостью похоронила. Но, *carina*²¹, – рассмеялась она, кладя руку на шелковую юбку платья Фидо, – мне просто не верится, что из всего этого сборища ведь ты не выбрала себе хотя бы одну близкую подругу! У тебя же истинный талант к дружбе, такая страстная, такая любящая натура!

ского движения; родственница Флоренс Найтингейл по отцовской линии.

¹⁸ Бушере Джесси (1825—1905) – английская активистка движения за права женщин. Принимала участие в организации Общества содействия трудоустройству женщин в 1859 г.; в том же году присоединилась к небольшой Лэнгхэмской группе, которая активно боролась за улучшение положения женщин.

¹⁹ Крейг Иза, в замужестве Нокс (1831—1903) – английская поэтесса, писательница, журналистка, борец за права женщин, за социальные реформы.

²⁰ Проктор Аделаида Энн (1826—1864) – английская поэтесса, филантроп и участница женского движения.

²¹ Милая, дорогая (*um.*).

«Все это было у меня... в молодости, – с горечью подумала Фидо. – А теперь, видимо, ушло...»

– Должна признаться, у меня было что-то вроде подруги там, на Мальте, – сообщила Хелен.

– Что значит – вроде?

– Это жена преподобного Уотсона, который служил там в миссии, она много старше меня. Дело в том, что они пригласили гувернантку-француженку для своих подопечных детей и предложили Нэн и Нелл приходить к ним на уроки, что казалось вполне безобидным, – холодно рассказывала Хелен. – У нас с миссис Уотсон были прекрасные отношения до тех пор, пока она не стала настраивать Гарри против меня.

Фидо была поражена.

– Но, конечно, он не...

– О, она не из тех, кто привлекает красотой, – объяснила Хелен, – но ей удалось полностью подчинить его себе. Хуже нет женщины, чем лицемерная ханжа. За ее напускной скромностью таится жажда власти.

Фидо пришло в голову, что сейчас самое время спросить об отношениях с Гарри. Только дома ли он? И знает ли о том, что она пришла в их дом?

Но она слишком долго раздумывала, а тем временем Хелен продолжала говорить:

– Что ж, дорогая моя, если у тебя действительно нет ни одной близкой души среди этой своры ведьм, я намерена снова занять свое место.

Обеих развеселила ее дерзость.

– Среди нас нет ведьм, – заверила Фидо. – Вот, например, Бесси Паркес такая хорошенькая и хрупкая, что рядом с ней я кажусь себе просто коровой. Прошлой весной произошел курьезный случай: один шведский профессор принял меня за мисс Паркес и в своих воспоминаниях описал как плотную женщину независимого нрава, которая вышла на улицу и сама подозвала себе кеб! Бесси пришла в неопишувемый ужас!

Хелен расхохоталась над забавной сценкой, после чего заметила:

– Когда я на Мальте читала о твоей карьере, все думала, не выйдешь ли ты в конце концов замуж за какого-нибудь реформатора, профессора гигиены или что-нибудь в этом роде, или за викария, как твои сестры.

Фидо улыбнулась:

– Видишь ли, в наше время старые девы уже перестали быть объектом жалости.

– Я вовсе не жалею тебя!

– Я независима, у меня есть собственный дом, возможность путешествовать, – перечисляла она, загибая пальцы. – Любви и браку многие из нас предпочитают свою свободу.

– Я отнюдь не осуждаю жизнь в девичестве, – возразила Хелен, – только не очень представляю ее себе. Впрочем, от меня ты ни слова не услышишь в защиту супружеской жизни! – помрачнев, закончила она.

Теперь она сама затронула эту тему, и Фидо поспешила задать вопрос, который ее так живо занимал:

– А ты... Могу я спросить, счастлива ли ты сейчас с мужем?

Словно тень пробежала по лицу Хелен.

– «*Mi ritrivaì per una selva oscura*», – процитировала она. – Это единственная фраза из Данте, которую я запомнила из уроков синьоры.

– «Я... «то есть ты» проснулась в дремучем лесу»? – перевела Фидо.

– И когда замужние женщины попадают в дремучий лес, обычно они сами находят выход.

– Мне очень, очень жаль! – с чувством воскликнула Фидо, хотя несколько не удивилась.

– Что ж, по крайней мере, мы с Гарри ведем себя намного пристойнее, чем в прежние времена, когда тебе приходилось присутствовать при наших ссорах, – заметила Хелен. – Мы

давно уже научились ладить друг с другом... У каждого из нас своя жизнь, своя комната, свои друзья...

– Но я уверена, что он по-прежнему любит тебя, правда, по-своему, сдержанно и немного неуклюже.

– Ха! Все свои представления о браке ты черпашь из романов.

Фидо удивленно посмотрела на Хелен:

– Это далеко не так! Я разговаривала со многими замужними женщинами. Большинство из них смотрят на брак с прагматической точки зрения, считают, что у замужней женщины существуют свои обязанности, но и свои радости. А есть и те, кто находит, что мужем очень легко манипулировать, поскольку ему нужно только одно: чтобы к нему относились с уважением, как к хозяину дома.

– Следовательно, я должна ублажать Гарри, утешать дочерей, если у них что-то болит, отчитывать бестолковую горничную, проверять счета за уголь и за масло для ламп? – уныло констатировала Хелен.

– Тут требуются только такт, терпение и самообладание.

– Вот и попробуй сама! – Хелен с досадой повела плечами. Затем более спокойно добавила: – Наверное, глядя на нас, ты потеряла всякое желание выйти замуж?

– О нет! – заверила ее Фидо. – Боюсь, я просто никогда не испытывала того интереса к мужчине, который поэты называют «смыслом жизни женщины». Меня вполне устраивает одиночество. – Она вдруг задумалась, так ли это. Но разве одиночество в браке не подобно очагу, который, вместо тепла и света, дает только холод? – Но не стоит думать, что мои передовые взгляды на женщин означают, что я утратила веру в супружество, – смущенно закончила она.

– Ну, одна из нас ее действительно утратила.

– Хелен! – Фидо судорожно пыталась найти подходящий аргумент. – Если однажды воскресный обед не удался, то это еще не значит, что нужно отменять традицию воскресных обедов.

– Я уже пятнадцать лет давлюсь этим обедом, – тихо пробормотала Хелен.

– Но брак по-прежнему является фундаментом общества, – чуть ли не умоляюще произнесла Фидо. – Если в его основе лежат чувство собственного достоинства и свобода...

– Вот именно, если! – прервала ее Хелен. – В этом-то вся и проблема.

Фидо грустно вздохнула:

– Да, конечно, брак тоже нуждается в изменениях. Полное растворение личности жены в муже, ее отказ от имущества и другой собственности в его пользу, его почти неограниченная власть над ней... – Знает ли ее подруга о своем истинном положении? Британский закон уравнивает ее с преступниками, умалишенными и несовершеннолетними детьми! – И так часто жены, с которыми я имею дело, не чувствуют себя свободными, и при этом абсолютно неграмотны юридически!

Хелен энергично кивнула.

– Мы, борцы за права женщин, – объяснила Фидо, – стремимся добиться для них права на работу именно для того, чтобы они имели выбор. Чтобы из-за нужды в деньгах они не выходили замуж без любви, видя в браке что-то вроде спасательного круга.

– Мне казалось, что я сама выбирала себе мужа. Я думала, что люблю его, – дрогнувшим голосом проговорила Хелен. – Эти браки во время сезона с декабря по май...

– Но только не в декабре! Я вижу, ты по-прежнему склонна все преувеличивать, – улыбнулась Фидо, желая немного смягчить обстановку.

– Ну, мы-то поженились в конце октября. Гарри было сорок один, а мне едва исполнился двадцать один. Он мне в отца годился! Красивый гигант в синем с белым мундире, с золотым шитьем на обшлагах! – с грустной усмешкой произнесла Хелен. – Он был направлен защитить

нас, англичан, живущих во Флоренции, от взбунтовавшейся толпы. И я, маленькая мисс Хелен Смит, наивная Дездемона, была очарована его рассказами о морских приключениях.

Фидо нахмурилась. Возможно, Хелен и можно было сравнить с шекспировской героиней, но Гарри Кодрингтон, рассудительный и выдержанный, как все истые англичане, не имеет ничего общего с доверчивым, пылким и ревнивым мавром.

– Дорогая моя, неужели за годы совместной жизни вы не научились быть друг к другу добрее, снисходительнее?

– Ах ты святая невинность! – вздохнула Хелен. – Это не зависит от прожитых лет.

Утром в начале сентября еще холодно. Фидо, стоя в душе, решительно потянула на себя рычаг. Ледяной поток воды заставил ее вздрогнуть. Затем, кашляя, она энергично растерлась полотенцем. Большинство женщин при малейших признаках недомогания остаются в постели, но, по мнению Фидо, весь этот сложный механизм тела должен непрерывно находиться в движении.

Снаружи донесся стук подбитых железом башмаков молочницы. Скоро она поднимет свой тяжелый бидон, наполнит свежим молоком бутылку в полквартиры для мисс Фейтфул и подвесит ее на крючок к перилам крыльца.

Фидо продолжала анализировать позавчерашний разговор с Хелен на Экклестон-сквер. Рассказ о своей работе ей явно не удался; она не сумела передать восторг, который испытывает от сознания важности движения, которое втягивает в свою орбиту все больше умных и энергичных людей, и не только женщин. Сейчас, когда, как принято говорить, система определяет все (ох уж эта избитая фраза!), когда не находится виноватых в социальных болезнях общества, женщины из Лэнгхэмской группы – совместно с мужчинами из Национального общества социологических наук и еще из некоторых передовых организаций – утверждают: это не так! Фидо видела изменения, происходящие за одно поколение; устаревшие взгляды и предубеждения теряют свою силу. Она работала упорно и с энтузиазмом, чтобы другие женщины могли обрести свободу, порвать сковывающие их цепи – будь то нищета, депрессия, материальная зависимость или привычка к праздному, бездумному образу жизни. Эта великая цель заставляла Фидо каждый день вставать в шесть утра и чувствовать прилив энергии, как бы она ни устала накануне. Так почему ей кажется, что у Хелен создалось впечатление, будто она только и занимается пустыми склоками с другими благодетелями человечества?

Главная контора издательства «Виктория-пресс» расположена в доме номер 9 по Грейт-Корэм-стрит, в пяти минутах быстрой ходьбы от ее дома. (Она на ходу заметила ошибку в рекламном плакатике, который высоко держит мальчик, продающий газеты: «Эвакуация Атланты завершает четырех месячную осаду», и посоветовала ему написать слово «четырёх-месячную» слитно.)

В типографском цехе она увидела Глэдис Дженнингс и тепло поздравила ее с выздоровлением после оспы; на воспаленном лице девушки еще остаются корочки на месте язв, но Фидо сделала вид, что ничего не заметила. Затем она остановилась у стола Флоры Парсонс.

– На исправление этой статьи уйдет полдня, – сказала она, возвращая ей длинный лист, испещренный сделанными дома пометками красным карандашом. – Если бы вы работали внимательно, как это делает мисс Дженнингс...

– Простите, мэм, – опустил голову, пробормотала Флора Парсонс, продолжая выхватывать литеры из алфавитных ящичков.

– Дело не в моем прощении, – безнадежно вздохнула Фидо. – Я просто объясню вам, почему мисс Дженнингс зарабатывает восемнадцать шиллингов, а вы всего десять. Именно поэтому я плачу вам за лист, а не за неделю: ваш заработок зависит только от вас самой.

– Вы очень добры к нам, мэм.

Фидо не обратила внимания на прозвучавшую в голосе девушки язвительную нотку. Эта белокурая работница – тяжелый случай: сирота из рабочего дома, она служит здесь уже четвертый год, но по-прежнему небрежна и невнимательна. К тому же она уже успела обручиться с одним из младших наборщиков, мистером Недом Данстеблом, что очень огорчает Фидо: молодые руки обучаются быстрее старых, но многие девушки не дают себе труда овладеть профессией в надежде выйти замуж и оставить работу.

– Вы недооцениваете себя, мисс Парсонс, – неожиданно для себя сказала она.

Наборщица подняла на нее удивленный взгляд.

– Меня просто изумляет, как вам, не получившей школьного образования, удалось так быстро выучить грамматику.

Та пожала плечами:

– Наверное, по текстам, которые я набирала. Старик Роберт Оуэн²² назвал бы это расширением образования.

Фидо наклонилась ближе к ней.

– Но вот что меня огорчает... – Она помолчала, собираясь с мыслями. – Если бы вы работали с полной отдачей, то стали бы у нас самой быстрой и аккуратной наборщицей. Накопили бы немного денег и вышли замуж, по меньшей мере, почти на равных условиях. Вообще я еще не нанимала замужних женщин, но в вашем случае...

Флора Парсонс прервала ее с загадочной усмешкой:

– Спасибо, мэм, не беспокойтесь, мы с Недом будем хорошо жить.

Пожав плечами, Фидо направилась в свой кабинет.

Она продолжила читать гранки, размышляя о том, что хорошо бы найти для корректуры грамотную леди, только вряд ли она может себе это позволить: в этом году шесть ее помощниц стали квалифицированными наборщицами, так что им придется платить в полтора раза больше.

С расстроенным видом вошел мистер Хед, держа в руке «Типографский журнал».

– Вот, мисс Фейтфул, посмотрите. Лондонское общество наборщиков ищет возможность заставить своих членов отказаться исправлять тексты, которые набирали женские особи.

Фидо вспыхнула от негодования. А она-то надеялась, что собратья по цеху уже не испытывают неприязни, хотя бы потому, что «Виктория-пресс» не собирается снижать жалованье...

– Женщины, мистер Хед, если можно, – поправила она, не отрываясь от текста. – «Женская особь» – это звучит так, словно речь идет о животном. Разве я называю представителей вашего пола самцами, как если бы вы были орангутангами?

Хед усмехнулся, но сразу посерьезнел:

– Что, если общество объявит нашей типографии бойкот?

Фидо заставила себя успокоиться, прежде чем ответить:

– Вы получили прямое указание от своих работодателей?

– Нет, нет! – испуганно ответил он. – Они не знают, что я работаю здесь наборщиком.

Словно ее типография – подпольный игорный дом или притон для курильщиков опиума!

– Что ж, в таком случае, мистер Хед, советую вам выкинуть все это из головы. А если этот черный день настанет, вам придется решать, оставить или нет работу, которую, как мне кажется, вы находите удобной и выгодной.

Он уныло кивнул и продолжал топтаться на месте.

– Мы с мистером Кеттлом думаем, может, нам поменять имена?

Она оторопело посмотрела на него.

– То есть вы будете известны как мистер Кеттл, а он – как Хед?

---

²² Оуэн Роберт (1771—1858) – английский философ, педагог и социалист; один из первых социальных реформаторов XIX в.

Надо сказать, что мистер Кеттл ей не очень нравился; его подсчеты частенько вызывали у нее подозрения, но пока она не имела доказательств его нечестности.

– Нет, нет, мы оба взяли бы себе вымышленные имена. Так чтобы наши настоящие не фигурировали в документах.

Она едва удерживалась от смеха.

– Хорошо, я буду платить своим наборщикам по ведомости, где будут указаны любые имена, которые вы заявите. Но могу я по-прежнему, во избежание недоразумений, называть вас мистер Хед и мистер Кеттл?

– Конечно, мэм, это же только для документов, – смущенно пробормотал Хед.

«Не волнуйся, – уговаривала она себя после его ухода, прижимая ладони к горящему лицу. – Вряд ли дело дойдет до бойкота. Но если даже и дойдет, то я переживала ситуации и похуже». Если бы ее устраивала спокойная жизнь, она осталась бы дома и помогала матери в работе по приходу.

Она нервно вскрыла несколько писем. Одно из них оказалось от Мэтью Арнолда²³, который извинился за задержку отъезда на новый перевод Марка Аврелия. «Моя дорогая Фейтфул» называет он ее, и ей это нравится: для деловой переписки не имеет значения, замужем она или нет. Эмили Дэвис пересылает ей новое стихотворение мисс Россетти²⁴. Фидо трогает тот факт, что авторы согласны писать для «Журнала английской женщины» за те жалкие гроши, которые она может им предложить.

Следующие полчаса она занималась корректурой статьи для объемного тома Ежегодных трудов Общества социологических наук под заголовком «Действительно ли мужчины по своей природе умнее женщин?».

«Мужчины превосходят женщин, так как у них больше знаний. Но для того, чтобы приобрести их, они имеют в три раза больше возможностей».

Она одобрила этот абзац: он задал правильный тон всей статье.

Посыльный вынужден был постучать в дверь три раза, прежде чем она подняла на него взгляд.

– Миссис Коддлтон и полковник Андерсон желают засвидетельствовать вам свое почтение, мэм.

– Кодрингтон! – поправил веселый голос за дверью с матовым стеклом.

Застигнутая врасплох, Фидо вскочила из-за стола и радостно улыбнулась.

«Хелен!»

– Я уговорила беднягу Андерсона привезти меня, поскольку мой властитель увяз в своей писанине, – объяснила Хелен, прикасаясь к щеке Фидо на континентальный манер.

Сегодня ее пышные яркие волосы украшал крошечный капор в виде соломенного голубка. Офицер на сей раз был в штатском платье с весьма броским жилетом в клетку. Кажется, это национальная традиция – шотландка, отметила Фидо про себя.

– Право, меня не нужно было уговаривать! – заверил он.

– Ужасно интересно, Фидо, увидеть тебя в качестве хозяйки этого предприятия! – воскликнула Хелен, беря ее под руку, и они пошли по цеху.

Фидо была немного смущена тем, что работницы могут услышать ее прозвище, но вдруг догадалась, что, должно быть, они уже давно его знают.

– Ты говоришь так, будто я играю эту роль.

Хелен усмехнулась:

– Но разве каждая из нас не играет несколько ролей в своей жизни?

²³ Арнолд Мэтью (1822—1888) – английский поэт и культуролог, один из самых авторитетных литературоведов и эссеистов викторианского периода.

²⁴ Россетти Кристина Джорджиана (1830—1894) – английская поэтесса итальянского происхождения.

И действительно, когда Фидо стала привычно рассказывать о том, как четыре года назад основала типографию и издательство «для доказательства на деле способности женщин к производительному труду», она прислушивалась к себе со странным ощущением, что говорит сухо и отстраненно.

Фидо заметила, что Хелен принохивается, и объяснила:

– Это типографская краска. – И показала им плоскопечатную машину фирмы «Уорфидейл», украшенную медными орлами: – Печатает тысячу листов в час. Да, а это – мисс Бриджет Малкой, моя правая рука и лучшая работница.

Ирландка с бледным лицом улыбнулась и кивнула им, а ее руки продолжали порхать над наборной кассой, раскладывая чистые литеры по своим гнездам.

– Она дочь наборщика из Лимерика, отец пошел наперекор традициям и обучил ее своей профессии, – понизив голос, рассказывала гостям Фидо. – После его смерти она увидела в газете мое объявление и сразу же отправилась в Лондон.

– А эта профессия не вредна для здоровья? – спросил Андерсон, проходя с дамами мимо наборных столов, чем-то напоминающих церковную кафедру.

Фидо всегда рада рассеять обычное заблуждение посетителя.

– Это зависит от условий труда. Помню, «Типографский журнал» предостерегал меня, что мои рабочие не вынесут напряженного ритма! Но, как видите, я постаралась обеспечить хорошее освещение, вентиляцию помещения, высокие стулья, чтобы наборщицы могли работать сидя, и ввела перерывы на ланч.

– Гм, судя по всему, они вовсе не падают от усталости, – заметил Андерсон, разглядывая девушек оценивающим взглядом, что вызвало у Фидо неприязненное чувство.

– Твои руки²⁵, ты их так называешь? – веселилась Хелен, поигрывая в воздухе растопыренными пальчиками. – Как будто ты страшный осьминог!

Фидо натянуто усмехнулась; ей странно видеть в цехе свою давнюю подругу, с ее легкомысленными шутками.

– На самом деле я чувствую себя их матерью, – тихо призналась она. – Вон там работает мисс Дженнингс, ей всего тринадцать лет; она училась ремеслу в приюте для глухонемых.

– Очень благородно с вашей стороны, – похвалил полковник.

Фидо отмахнулась:

– Обучить ее было очень трудно, зато она практически ни на минуту не отвлекается от работы.

– О, да у вас тут и мужчины есть! – тихо произнесла Хелен, заметив мистера Кеттла, натирающего пальцы мелом.

– Разумеется, всегда есть физическая работа, которая женщине не по силам, – слегка виновато объяснила Фидо. – Переносить тяжелую наборную кассу, заправлять в машину бумагу и делать оттиски... Поэтому я наняла одного мужчину на должность метранпажа, который наблюдает за работой пяти наборщиц: он раздает им рукописи, составляет из набранных девушками текстов колонки и формирует полосу – помещает страницы в нужном порядке, – объяснила она. – Но я горжусь тем, что здесь у меня работают двадцать пять девушек и еще пятнадцать на Фаррингдон-стрит.

Хелен отстала, разглядывая длинные полки с металлическими рамами.

– Это называется рамы для закладки, – объяснила Фидо, – но когда они заполнены и закреплены, это уже печатные формы. – Она вдруг подумала, что говорит очень скучно. – Мисс Кларк набирает строку на наборную верстатку – позвольте, мисс Кларк, – она регулируется по ширине, видишь? – Она показала верстатку Хелен.

Та опасливо посторонилась:

---

²⁵ Здесь игра слов – в английском hand означает «рука» и «работник».

– Боюсь испачкаться, сегодня мы с Гарри обедаем у Бичемсов.

– На ней еще нет краски, миссис К., – усмехнулся Андерсон.

Каждый раз, как Фидо слышала это его обращение к Хелен, ее коробило. Что это, вульгарность или самоуверенность? Но затем она укоряла себя за чрезмерный снобизм: скорее всего, это грубоватая манера объясняется тем, что он военный.

– После каждого проката печати все самым тщательным образом чистится и промывается специальным составом, – успокоила она Хелен. – Качество печати целиком зависит от чистоты и аккуратности. «Господи, как нудно и серьезно я рассуждаю в свои двадцать девять лет!»

– Ну, меня ты никогда не примешь на работу! – шутливо заметила Хелен. – Я ужасно несобранная, к тому же у меня слишком пухлые пальцы.

– Твои пальцы – не главное, вот характер определенно будет препятствием! – со смехом согласилась Фидо.

Приведя гостей в кабинет, она предложила им чаю.

– Ого, у вас Теннисон²⁶. Превосходно! – Андерсон указал серебряным наконечником трости на стихи в рамке и с пафосом прочитал:

Мгновенье преходящее бесценно,
Да не оставь его бесследным:
Трудись и в час ночной,
Когда вокруг все спят.

Фидо улыбнулась:

– На самом деле это стихи поэтессы мисс Анны Уолкер.

Хелен усмехнулась смущению Андерсона.

– Но поразительно похоже на манеру лауреата, – принялся оправдываться тот.

За бутербродами с креветками выяснилось, что у Фидо и полковника есть общие знакомые в Шотландии.

– Это предприятие делает вам честь, мисс Фейтфул, – отметил он.

– Но в свое время у нас было много противников!

Хелен замерла, изящно держа в пальчиках крупную креветку.

«Ага, это ее заинтересовало!»

– С самого начала нам практически объявили войну и всячески старались помешать работе, – рассказывала Фидо. – Били окна, мазали типографской краской рамы для закладки и табуреты, безнадежно портя платья работниц, вынимали литеры из гнезд и перемешивали или просто расшвыривали их по полу, машины разбивали ломami... Да, тяжелое было время! Мы несли огромные убытки, не говоря уже о том, чего это стоило нам в моральном отношении.

– Дорогая, но это невероятно! – воскликнула Хелен.

Удивительно, но спустя несколько лет то, что казалось таким унижительным, представляется Фидо забавным.

– В газетах и журналах меня осыпали оскорбительной бранью; признаюсь, я не сразу научилась не обращать на них внимания. Но уже через год затраты «Виктории-пресс» начали окупаться, я удостоилась одобрения ее величества, а сейчас на Международной выставке мы получили медали за отличное качество работы. – На самом деле была только одна медаль, но Фидо слегка преувеличила, желая произвести впечатление на подругу.

---

²⁶ Теннисон Альфред (1809—1892) – английский поэт, имел почетное звание поэта-лауреата. Королева Виктория присвоила ему за поэтическое творчество титул барона.

– Брависсимо! – воскликнула Хелен и захлопала в ладоши. – Подумать только, когда я с тобой познакомилась, ты по несколько раз в день меняла наряды и только и говорила о раутах у леди Морган!

Фидо весело рассмеялась:

– Боюсь, мы представляли собой довольно необычную пару – моя, так сказать, наставница и я.

– Мы танцевали с любым мужчиной, который пригласит нас, – вставила Хелен.

– Помню, как я по наивности позволяла себе весьма дерзкие и легкомысленные высказывания. А тебе, как замужней леди, следовало меня сдерживать.

– Ах, но Фидо всегда была моей лучшей половинкой! – призналась Хелен Андерсону. – А теперь посмотрите, как она чудесным образом превратилась из юной дебютантки в даму, занимающуюся филантропией...

– Кстати, мисс Фейтфул, – шутливо поинтересовался Андерсон, – полагаю, вы не станете отрицать, что некоторые из ваших феминисток слишком далеко заходят?

Фидо изобразила улыбку, напомнив себе, что мир будет меняться мало-помалу, ведь и мышка медленно прогрызает дырку в стене.

– Уверяю вас, полковник, мы отнюдь не ставим себе целью разрушение общественного механизма, а хотим лишь улучшить его работу.

– Но раздаются призывы к тому, чтобы женщины занимали судебские должности, избирались в парламент, на государственные посты...

– Ну, если какие-то доводы доводить до абсурда... – Фидо взяла себя в руки. – Лично я думаю, что закон не должен препятствовать активному участию женщин в жизни общества. Впрочем, в этом ведь нет необходимости – трудно представить, чтобы профессиями, о которых вы упомянули, мечтали овладеть многие женщины. По своей природе мы преимущественно интересуемся более благородными областями деятельности: образованием, медициной и благотворительностью.

– Это более благородно, чем ваша военная профессия, Андерсон, – с усмешкой заметила Хелен.

– Ну, скажем, эти занятия более способствуют счастью людей, чем война, – примирительно произнесла Фидо.

Полковник усмехнулся:

– Безусловно, мисс Фейтфул. Взять хотя бы несчастных американцев, сколько их сейчас страдает с обеих сторон!²⁷

Она одобрила его взгляд на эту войну.

– Но, признаюсь, мы, солдаты, всегда рвемся в бой.

– Полковник провел в Крыму свои самые славные дни, – зевнув, сообщила Хелен.

– А что касается бедных военных моряков вроде Кодрингтона, – добавил он, – то последнее настоящее сражение он видел в Аккре, целую четверть века назад!

Довольно пренебрежительное замечание относительно своего друга, подумала Фидо.

– Еще чаю? – спросила она.

Сегодня утром Фидо следовало быть на Лэнгхэм-Плейс, где проводилось обсуждение квартального отчета Общества содействия трудоустройству женщин, а не гулять в Гайд-парке. Но небо такое ясное и синее, сентябрьский ветерок веет такой приятной прохладой! К тому же приглашение на прогулку исходило от Хелен, и ей вдруг подумалось, что большого греха не

---

²⁷ Речь идет о Гражданской войне в США 1861—1865 гг. между объединением 20 нерабовладельческих штатов и 4 рабовладельческих штатов Севера и 11 рабовладельческих штатов Юга.

будет, если она один-единственный раз пропустит собрание. За семь лет разлуки с подругой она никогда себе этого не позволяла. Вся ее жизнь была отдана работе.

– Ты читала «Женщину в белом»?²⁸ – спросила Хелен, когда они медленно шли вдоль извилистой речки Серпентайн²⁹, полностью оправдывающей свое название.

– Я два раза брала эту книгу у Муди, а потом купила себе экземпляр, – призналась Фидо. – Некрасивая, но невероятно благородная и преданная Мэрион глубоко трогает мое сердце.

– А я в то лето постоянно носила белую шаль, как несчастная Анна Катерик.

– Вижу, ты по-прежнему раба моды! А какого ты мнения о романах миссис Нортон³⁰ и мисс Брэддон?

Хелен энергично кивнула:

– Больше всего мне нравится ее книга «Трижды мертвый».

– А ты покупаешь «Темпл бар»? Там сейчас печатается роман мисс Брэддон «Жена доктора», – сообщила Фидо, – но мне кажется, его героиня своего рода английская мадам Бовари. Ну а «Тайна леди Одли» списана с «Женщины в белом»...

– Но она такая элегантная и смелая, что я все ей прощаю!

– Там есть интересное рассуждение, – припомнила Фидо, – о том, что женщины совершают подобные преступления из-за того, что не в состоянии удовлетворить свое стремление приобрести профессию.

– Мне ужасно нравится сцена, где она сталкивает своего мужа в колодезь...

Фидо не дала Хелен договорить:

– А помнишь, как в ту, первую нашу зиму мы читали друг другу «Холодный дом»?³¹

– Конечно! Когда ты читала о смерти леди Дедлок, мне было так страшно, что потом я не могла заснуть!

– Ты слышала, что Диккенс развелся с женой после того, как она родила ему десять детей?

– Дорогая моя, эта сенсация едва ли не в тот же день долетела до Рангуна! – воскликнула Хелен. – Каков наглец! Обвинять ее в газетах в том, что она якобы не способна на материнскую любовь!

– Говорят, у него связь с какой-то актрисой, – добавила Фидо, понизив голос, хотя поблизости никого не было.

– Если бы просто с какой-то актрисой! – с наслаждением смакуя предмет, авторитетно заявила Хелен. – Но это сестра его жены!

– Не может быть!

– Я уверена, что на прошлой неделе видела именно ее, она покупала галоши на Регент-стрит. Я имею в виду миссис Диккенс, а не ее сестру. Бедняжка, она так опустила!

– Она живет со старшим сыном, остальные дети навещают ее очень редко, – сокрушалась Фидо. – Я слышала, она до сих пор читает каждую вещь, которая выходит из-под пера ее мужа. Как это грустно!

– Это просто ужасно!

Экзальтированные интонации не меньше самих высказываний Хелен заставили Фидо расхохотаться. Они пробудили в ней те ее стороны, которые благополучно дремали все эти семь лет, – способность вести легкомысленный разговор, беззаботно высказывать свое мнение и даже некоторую бесшабашность.

– Вы очень скучаете по Мальте? – спросила она подругу.

---

²⁸ Популярный роман Уилки Коллинза «Женщина в белом» был опубликован в 1860 г.

²⁹ Серпентайн (от *англ.* serpentine) – змеевидный, извивающийся наподобие змеи.

³⁰ Нортон Каролина Елизавета Сара (1808—1877) – английская писательница, внучка Шеридана.

³¹ «Холодный дом» – роман Чарльза Диккенса.

– Ну, что касается Гарри, то он определенно скучает, – ответила та, любясь двумя белоснежными лебедями, гордо скользящими по воде. – Там он занимал большой пост и пользовался уважением, а здесь ему нечего делать, разве только посещать эти скучные камерные концерты или лекции о конструировании боевых кораблей. – Она сердито вздохнула. – Обычно жены жалуются, что мужа невозможно выманить из клуба, а мой целыми днями торчит дома! Надеюсь, ему подыщут какую-нибудь канцелярскую работу в Адмиралтействе. В противном случае своим ворчанием и постоянными замечаниями он сведет с ума и меня и девочек!

– А сама ты скучаешь по Мальте?

– Какая разница, где жить? – пожала плечами Хелен. – Для меня главное – это люди.

Что это значит? Фидо обернулась и с любопытством всмотрелась в лицо подруги.

Когда она вчера лежала без сна, ей пришло в голову, что если они возобновят дружбу, то уже на новых условиях. Раньше, на Экклестон-сквер, Фидо играла роль младшей, зависимой, что-то вроде Горацио женского рода, как она теперь понимает. Она частенько подозревала Хелен в том, что та за шумным многословием скрывает свои истинные чувства. Но тогда это казалось ей просто манерой подруги; она слишком восхищалась ею, чтобы критиковать. Однако теперь Фидо повзрослела, стала более серьезной и опытной. И если они хотят считаться друзьями, то должны быть откровенны и доверительны друг с другом. Поэтому она задала вопрос, который давно уже вертелся у нее на языке:

– Очень удачно, не правда ли, что отпуск полковника Андерсона совпал с вашим возвращением на родину? – Она постаралась произнести это небрежно, но вопрос все равно прозвучал неожиданно.

Хелен быстро взглянула на нее, затем снова перевела взгляд на реку.

– Он ждет, что вскоре его снова отправят на Валлетту.

– Вместе с его полком?

– Он командует вторым батальоном двадцать второго Чеширского полка. Он солдат старой школы, как и Гарри, – железная дисциплина и все в этом роде.

– А мне он показался таким приятным и обходительным! – удивилась Фидо.

– О, он *rukka sahib*³². Слишком приятный, а потому опасный, – хмуро добавила Хелен, не отводя взгляда от перламутровой поверхности реки.

У Фидо учащенно забилося сердце. «Ты сама это начала!» – укорила она себя.

– Ты меня понимаешь? – спросила Хелен, оборачиваясь к ней и щурясь от солнца.

– Надеюсь, что нет.

– Да нет, ты все понимаешь, – рассмеялась Хелен.

«И кто тебя тянул за язык! – снова рассердилась на себя Фидо. – Теперь не жалуйся!»

Хелен склонила голову набок и потеряла шею, словно от боли.

– Он отчаянно влюблен в меня.

Фидо брезгливо поморщилась.

– Что? Мне не следовало говорить так откровенно, даже если нас слышат только эти лебеди да утки? Что ж, в таком случае будем истинными англичанками и скажем, что Андерсон впал в соблазн, – резко бросила Хелен и ускорила шаг, так что Фидо пришлось чуть ли не бежать. – И откажемся признавать, что холостой мужчина способен сильно увлечься женой офицера старше его по званию. Что даже в тридцать шесть лет мать уже довольно больших детей может оставаться весьма привлекательной особой!

Фидо хотела сказать ей, что она такая же красавица, как и прежде, но предпочла промолчать. Хелен всегда необходимо было чувствовать себя окруженной вниманием мужчин – раньше Фидо считала это невинным грешком, вроде любви к сладкому, но сейчас в ее голосе звучит незнакомая, пугающая жесткость.

³² Истинный джентльмен (англ. – *ind.*).

– О, madre! В каком сложном положении ты оказалась!

Ответа не последовало.

Задыхаясь от быстрой ходьбы, она придержала Хелен за локоть.

– Иди медленнее и обо всем расскажи мне. Ты почти с гордостью говоришь, что делаешь этого человека несчастным, – строго сказала она.

Хелен резко обернулась к ней; румянец, разгоревшийся у нее на щеках, сделал ее еще более неотразимой.

– Мне нечем гордиться! Это подлинная катастрофа!

«Она похожа на ребенка, случайно разбившего поднос с посудой».

– Ты не знаешь, каково мне было все эти годы, – с горечью призналась Хелен. – Гарри такой скучный, тяжелый на подъем. Я ему не нужна, понимаешь? Когда на Мальте устраивались приемы, он уходил уже через час, и мне приходилось танцевать с другими офицерами, которые провожали меня домой.

Фидо была в полном смятении.

– Так что я могла поделать, когда один из друзей моего мужа стал и моим другом, в самом искреннем и невинном смысле этого слова, хотя сам он считает, что между нами не просто дружеские отношения?

– Но, Хелен, – серьезно начала Фидо, – при первых же признаках увлечения Андерсона ты должна была сразу порвать с ним все отношения.

Та только передернула плечами.

– А что это значит – первые признаки? К тому моменту, как ты это замечаешь, увлечение успевает вырасти, как гриб за ночь.

– Тем больше оснований сразу вырвать его с корнем.

– Я не поощряла его ухаживания.

– Поощряла, я видела это собственными глазами! А как ты называешь то, что вы вдвоем разъезжаете по городу?

– Ну, уж и разъезжаем, – возразила Хелен. – Мы ездили за покупками и по дороге навестили тебя в типографии...

У Фидо закружилась голова. Возможно, полковник, под благовидным предлогом повидаться с Хелен, сам предложил заехать к ней в типографию?

Хелен внезапно остановилась.

– Ах, Фидо, я не могу больше скрывать это от тебя! Если бы ты знала, как радостно и приятно, когда блестящий красивый офицер с обожанием смотрит на тебя и ловит каждое твое слово!

Но Фидо считала высокого адмирала Кодрингтона с черной бородой гораздо привлекательнее кудлатого белокурого Андерсона, который чем-то напоминает ей спаниеля, но суровый и сдержанный мужчина наверняка проигрывает в сравнении с любезным и обходительным молодым человеком, особенно в глазах Хелен. Фидо вполне способна оценить привлекательность представителя противоположного пола, но, в отличие от других женщин, ее сердце не трепещет от восторга рядом с каким-нибудь красавцем, даже если он оказывает ей лестное предпочтение.

– В самом деле, подумай, Фидо, – Хелен горячо сжала руку подруги, – не можешь же ты винить меня за то, что я принимаю его преданный взгляд подобно сердечному лекарству, которое поддерживает меня в самые тяжелые минуты?

– Стыдись! Ты должна понимать, что в результате это принесет вам обоим только боль и страдания! – возмущенно воскликнула Фидо, отдергивая руку. – Как жена и как мать...

– Что ж, этого и стоило ожидать: теперь начнется лекция, – едва слышно пробормотала Хелен.

Действительно, в душе Фидо настолько укоренились понятия, внушенные ей родителями, что она готова произнести наизусть целую речь о нравственном долге и приличиях...

– Прошу тебя, не делай этого. – Хелен с умоляющим видом прижала к ее губам свой изящный пальчик.

– О чем ты? – Но она знала.

– Не бросай в меня камень. Не огорчай меня нотацией, которую мне может прочесть в Белгравии любая ханжа с ее банальными суждениями! Друг мой, за последние годы ты стала совершенно другой, и я счастлива это видеть! Ты сумела вырваться из наезженной колеи! – восторженно сказала Хелен. – Помнишь, когда ты приходила ко мне, ты с возмущением говорила о браке – что жена целиком растворяется в...

Фидо попыталась вспомнить свое смелое заявление.

– Да, но, дорогая моя... Я вовсе не из тех, кто ханжески проповедует чистоту нравов. Дело в том... – Она с трудом подбирала слова. – Здесь речь идет об уважении к себе, о чувстве собственного достоинства, о порядочности. Ведь ты поклялась хранить мужу верность...

– Но я не знала, что это означает! – крикнула Хелен. – Не знала, какой тоскливой и безнадежно долгой может оказаться эта замужняя жизнь! Да и какой иной выход был у меня, в то время юной и наивной девушки?

– Carina! – Фидо пыталась подыскать подходящие доводы, но сочувствие путало ее мысли. – Мне тебя ужасно жаль!

Глаза Хелен блеснули от слез, и она бросилась к Фидо.

Фидо почувствовала у себя на груди горящее лицо Хелен, почувствовала запах ее волос. Женщины стоят на берегу Серпентайн, крепко прильнув друг к другу; довольно странная сцена, должно быть, но Фидо об этом не думала.

– Малышка моя дорогая! – прошептала она.

– Ты не представляешь, как мне стало легко на душе оттого, что я тебе открылась, – сквозь рыдания приглушенно сказала Хелен.

«Она призналась мне, мне одной! – думала Фидо. – Мы и словом не перемолвились за семь лет, но вот всего через четыре дня после нашей новой встречи она доверила мне свою тайну!»

Она уже чувствовала тяжкий груз этого тайного признания, но была горда своей ношей.

Фидо вошла в дом номер 10 на Лэнгхэм-Плейс. За ней поспешно поднималась женщина средних лет.

– Прошу прощения, это контора, где записывают женщин на работу?

– Да.

– Вы можете мне помочь?

Фидо с сомнением оценивала изящный вид незнакомки, ее нежные белые руки.

– Пойдемте, посидим в нашей библиотеке, – пригласила она женщину.

Леди схватила ее за рукав.

– Я... Я не знаю вас, мадам, но должна сказать, мне нужно срочно найти хоть какую-то работу. Я и моя дочь... Мой муж врач, – бессвязно продолжала она.

Фидо неловко ждала объяснений.

– Ему не повезло с практикой, – сказала незнакомка приглушенным голосом. – И он... Он бросил нас. Это случилось четыре месяца назад, и у нас нет никаких доходов.

– Я вам очень сочувствую. Я прослежу, чтобы вас выслушали и записали ваши данные в нашу регистрационную книгу, – заверила ее Фидо, мягко высвобождая свой рукав.

Поднимаясь наверх, она вспоминала первых подобных просительниц, которых встретила здесь шесть лет назад, когда пришла работать с ковровым саквояжем, полным рассказов, и свою безграничную самоуверенность. («Наша самая преданная активистка», – представила ее как-то

Бесси Паркес одной даме.) Какой по-весеннему радостной была атмосфера на Лэнгхэм-Плейс в 1858 году, казалось, перемены близки, как спелые фрукты, свешивающиеся с ветки, – достаточно только руку протянуть, на что не осмеливались робкие женщины прежних поколений.

В приемной комнате Бесси Паркес, Джесси Бушере, Иза Крейг и Сара Левин (их секретарь) размышляют над чертежами, разложенными на огромном столе.

– Здравствуйте, Фидо, – раздался радостный голос Изы Крейг.

– Вчера нам вас очень доставало, – заметила Бесси Паркес.

– Прощу меня извинить. Я вчера приболела, – сказала Фидо, удивленная собственной ложью; почему бы просто не сказать, что у нее были другие дела?

Она обращается к мисс Левин и рассказывает ей об ожидающей внизу жене доктора.

– Я не смогу подыскать ей работу, – вздохнула секретарь, отодвигая свой стул.

– Чуть ли не каждый день ко мне в типографию приходят оказавшиеся без средств дамы, и я всегда направляю их сюда, на биржу труда...

– Естественно, они ошибаются, потому что «Виктория-пресс» гораздо популярнее, чем биржа... – горячо проговорила Иза Крейг.

– Как вы думаете, что происходит в тех случаях, когда мы им отказываем? – спросила Фидо.

– А эта дама... хороша собой? – интересуется Джесси Бушере.

– Во всяком случае, недурна.

– Тогда, может, ей лучше найти себе какого-нибудь покровителя, чем голодать, – вслух размышляет Джесси Бушере.

«Покровителя!» Фидо возмущена этим эвфемизмом.

– Кто из нас бросит первый камень? – спросила Бесси Паркес. – Магдалина была прощена, потому что сильно любила. Помните шедевр Аделаиды «Легенда Прованса»?

Фидо прячет от сотрудниц взгляд, но знает, о чем они думают. Они и без Бесси Паркес заметили, что она перестала работать по воскресеньям, они знают, что, подобно Аделаиде Проктор, она собирается перейти от унитариянской церкви в католичество.

Иза Крейг отвернулась и вытерла глаза.

– Иза, дорогая, не надо плакать при упоминании этого дорогого всем нам имени, – экзальтированно произнесла Бесси Паркес. – Аделаида не хотела бы, чтобы о ней скорбели. Ведь я была с нею до последнего вздоха и рассказывала вам, с какой радостью, с какой готовностью она уходила в иной мир к любимому Иисусу!

Фидо это кажется ханжеской болтовней, но она молчит.

– И это после того, как у нее два года шла кровь горлом, – тихо прошептала Джесси Бушере.

Религия – это одна из тем, по которой взгляды женщин, принадлежащих к Лэнгхэмской группе, никогда не сойдутся, поэтому они не затрагивают ее в «Журнале английской женщины».

Бесси закусила губы.

– Если кто не помнит, я скажу, что в этой поэме Аделаиды рассказывается о монахиня, которая выхаживает красивого рыцаря. Он соблазняет ее убежать с ним. Спустя много лет она возвращается жалкой нищенкой в монастырь и узнает, что все это время святая Дева Мария сохраняла для нее ее келью, приняв ее облик.

– Правильно, – кивает Иза Крейг. – Но здесь вся суть в том, что эта монахиня снова смогла жить по-прежнему, не боясь осуждения сестер, потому что они так и не узнали, что она покидала монастырь.

Фидо невольно думает о Хелен. Наверное, вчера она говорила с ней слишком строго и резко. Какое право имеет она, Фидо, не знающая замужней жизни и ни разу не испытывавшая соблазна мужской любви, осуждать несчастную жену за платонические отношения с другим

мужчиной, в которых она находит жалкое утешение? Ведь такие отношения бывают недолгими, как жизнь мухи-однодневки: через несколько недель Хелен будут разделять с Андерсоном Канал³³ и Средиземное море.

– Бесконечно сострадание Господа и Его милосердие, – благоговейно произнесла Бесси Паркес и процитировала строки из поэмы:

Звезда, однажды виденная нами,
С тех пор нам служит путеводною Звездой
И помогает стать такими,
Как предначертано Судьбой.

В этот момент Фидо поняла с болью в душе: «Я ревную». Вот что лежит за ее строгим вечерним выговором: не столько вопросы приличия и порядочности, сколько жгучая ревность. Этот кудрявый пустозвон вряд ли достоин страстного внимания Хелен. (Да и какой другой мужчина этого достоин?) В тот последний день августа на Фаррингдон-стрит произошло нечто исключительное и чудесное: дружба, которая казалась умершей, вдруг возродилась, словно феникс из пепла, и какое отношение имеет к ней этот щенок?

– Возвращаясь на землю, – нарушила Сара Левин наступившую тишину, – должна сказать, что в этом месяце число подписчиков на «Журнал» снизилось.

– Какой ужас!

– Неужели?!

– Гм, боюсь, их уже меньше шестисот.

Бесси Паркес тяжело вздохнула.

– Будьте добры, загляните в список, – обратилась она к секретарю, – и назовите подписчиков, которые решили не продлевать подписку...

– А я от многих слышала, что читательницам очень нравится, что в каждом номере они могут найти очередную главу романа известного писателя, – вставила Иза Крейг.

– Ах, ну какое отношение имеет роман к правам женщин! – возмутилась Бесси Паркес.

Фидо рассеянно пожала плечами:

– Каждую пилюлю полагается сдобрить кусочком сахара.

В этот момент в комнату быстро вошла Эмили Дэвис и заняла свое место за столом.

– Прошу прощения за опоздание, но я принесла вам радостное известие! – возвестила она своей скороговоркой. Сегодня редактор «Журнала» выглядит особенно похожей на куколку: спущенные на уши гладкие, подернутые сединой волосы обрамляют ее личико с миниатюрными чертами. Она достала из своей сумочки лист бумаги. – Утром я получила письмо – они упрямо называют это меморандумом – из Кембриджского университета...

Все нетерпеливо подаются вперед.

– Они согласны, но только в виде исключения, удовлетворить нашу просьбу и допустить девушек к их местным экзаменам!³⁴

– После стольких лет борьбы! – восторженно ахнула Фидо и выхватила у нее письмо.

– Ах, мисс Дэвис, поздравляем! Да здравствует победительница! – воскликнула Бесси Паркес, пожимая ей руку.

– Вздор, это была наша общая работа, – сказала Эмили Дэвис. – Фидо, думаю, решающую роль сыграли завтраки, на которые вы приглашали влиятельных особ. Но, признаться, я уже почти не надеялась убедить профессоров.

---

³³ Канал, Английский канал – принятое в Великобритании название пролива Ла-Манш.

³⁴ Местные экзамены (local examinations) проводились в школах на местах комиссиями из представителей университета.

Никто из присутствующих не принял это заявление всерьез: за то короткое время, как с ними стала работать эта энергичная дочь викария из Ньюкасла, все успели убедиться, что она никогда не бросает начатого дела, не доведя его до победного конца. Эмили Дэвис, думает Фидо, похожа на терьера, который, вцепившись клыками в палку, ни за что ее не выпустит, только у нее больше выдержки и терпения.

– Наша долгая борьба – это приливная волна! – возвестила Бесси Паркес восторженным голосом, каким читает свои стихи. – Скоро она достигнет порта!

Эмили Дэвис, как обычно, не обратила внимания на ее пафос.

– Во всяком случае, местные экзамены помогут открыть женщинам доступ в университет. Я рассчитываю, что наши дочери – я говорю образно, – сухо говорит она, обращаясь к коллегам, – смогут быть зачислены в женский колледж Кембриджа.

Фидо вспомнила свой интернат в Кенсингтоне, где по утрам они зазубривали по десять страниц из «Истории» Вудхаусли под аккомпанемент дребезжавших над головой четырех расстроенных пианино. Если бы живая и смелая Фидо, все свободное время отдававшая чтению, знала, что у нее есть возможность поступить в университет, ее жизнь сложилась бы по-другому. Как бы ни настаивала мать, она не потратила бы целых два года на дебют в свете... И вероятно, никогда бы не познакомилась с Хелен; сейчас эта мысль кажется ей дикой.

– Но у кого-то из нас может быть настоящая дочь, – тихо заметила Бесси Паркес.

Фидо тайком обменялась усмешкой с Изой Крейг. Все, кроме самой Бесси Паркес, сознательно остаются старыми девами, тогда как та вот уже семнадцать лет мучительно гадает, принять ли предложение пожилого и обремененного долгами поклонника или нет. Джесси Бушере уверяла, что она уступит его настойчивым ухаживаниям до своего сорокалетия, которого она отчаянно страшится. Фидо возражала, что, если бы она этого действительно хотела, то давно бы уже вышла за него замуж.

Эмили Дэвис привлекла внимание, постукивая по письму.

– Взгляните на дату: великодушные профессора дали нам всего несколько недель на подготовку наших кандидаток. Я задержалась сегодня потому, что сразу занялась поисками зала, девушек, желающих сдать экзамены, и жилья для них... Обратите внимание, в постскриптуме нас убедительно просят принять все необходимые меры, чтобы избежать обмороков и истерик кандидаток!

Общий хохот.

На письме, которое горничная Джонсон принесла в кабинет, имя Фидо написано знакомым энергичным почерком. На нем зеленая восковая печать, которую она узнает с первого взгляда. «Semper Fidelis», девиз Смитов, рода Хелен: «Всегда предан». Подруги, бывало, шутили, что, учитывая фамилию Фидо Фейтфул³⁵, этот девиз должен бы принадлежать ее семье. И когда семь лет с Мальты не было писем, Фидо начала считать этот девиз пустой фразой. Но при всей своей эксцентричности Хелен оказалась верной подругой. Фидо сломала зеленую печать и одним залпом прочла письмо:

*«Экклестон-сквер,
6 сентября 1864*

Моя задушевная подруга!

Я размышляю обо всем, что ты говорила на берегу Серпентайн. Ты – мое строгое, но правдивое зеркало.

---

³⁵ Фейтфул (англ. faithful) – верный, преданный.

Сейчас я понимаю, что незаметно для себя оказалась участницей опасной ситуации, издревле подстерегающей женщину. Сама я была не способна найти выход из этого лабиринта, но ты, моя Ариадна, вручила мне путеводную нить.

Почему-то мне вспомнился один твой совет: не нужно покупать цветы из шелка, потому что у девушек, которые их делают, ядовитые испарения краски разъедают слизистую полости рта (если я, конечно, правильно помню). И ты добавила фразу, которая меня поразила: «Знание влечет за собой ответственность». Да, дорогая Фидо, ты открыла мне глаза, и теперь я не стану медлить и вырву все это с корнем, не обращая внимания на чувства свои и других людей.

Ты знаешь, я всегда отличалась ветреностью и какой-то неуемностью. Все эти годы мне было очень одиноко, рядом не было никого, кому я могла бы довериться и кто меня утешил бы и успокоил. Но теперь мы снова вместе, и я надеюсь исправиться. «Быть верной своему слову», как ты выражаешься. Если бы ты всегда была рядом, до конца моих дней, думаю, я с каждым днем становилась бы лучше.

Могу я навестить тебя сегодня днем?

Твоя *Хелен*».

Взгляд Фидо остановился на фотографиях сестер, братьев и их многочисленных отпрысков, и вдруг она вскочила и стала рыться в своем бюро.

– В обмен на твою прелестную визитную карточку я могу подарить тебе свою последнюю фотографию.

Хелен принялась внимательно ее рассматривать.

– Фотограф прекрасно передал твой великолепный лоб, но здесь ты кажешься старше, чем на самом деле.

– Ты так думаешь?

– В следующий раз попроси, чтобы свет падал на тебя сбоку.

Наступила долгая томительная пауза. Фидо не в состоянии придумать тему для разговора, за исключением одной, но не смеет о ней заговорить.

– Должно быть, очень важно, – заметила вдруг Хелен, – иметь собственный дом.

Вслед за Хелен Фидо тоже обвела взглядом свою узкую гостиную. Дом – слишком громкое название для ее жилища на Тэвитон-стрит, стиснутого с обеих сторон другими строениями. Вся мебель потертая и старомодная по сравнению с обстановкой резиденции Хелен на Экклестон-сквер. Маленькие столики будто нагие, взгляду ее гости не на чем остановиться.

– В каком смысле? – смущенно спросила она.

– Я хочу сказать, человек иначе себя чувствует, когда у него есть свой дом. Вот ты, например, очень независима.

– И ты связываешь это состояние вот с этими четырьмя стенами? – изумленно спросила Фидо.

Хелен пожала изящными плечиками:

– Не стоит относиться к ним с таким пренебрежением. Дорогая, ты не представляешь, что значит жить под одной крышей с мрачным стареющим мужем. Я живу в его доме, ношу одежду, за которую он платит, исполняю каждое его распоряжение...

– Хм, насколько я помню, обычно ты игнорировала большинство распоряжений Гарри, – не удержалась Фидо от возражения.

Хелен надула свои розовые губки:

– Это не важно, главное, они мне дышать не дают! Подумать только, в двадцать один год я отказалась от себя так же беззаботно, как девушка заполняет на балу карточку для танцев!

– Твое письмо... – Фидо кажется, что пора уже перевести разговор на их отношения. – Оно меня очень тронуло.

Лицо Хелен озарилось радостной улыбкой.

- А что, Андерсон... – Фидо с трудом выговаривает его имя.
- Он на два дня ездил поездом в Шотландию и только что возвратился.
- Мне кажется нечестным оставлять в нем сомнения...
- Я думаю точно так же, потому и пригласила его сюда.

Фидо изумленно посмотрела на нее:

- Сюда? Ко мне?!

В этот момент вошла Джонсон. Согнувшись, она внесла поднос с дымящимся фарфоровым чайником, сахарницей, чашками и прочим. (За последние годы Фидо не раз объясняла своей горничной зависимость ее здоровья от осанки, но бесполезно.) Минут пять, если не больше, Джонсон переставляла все на чайный столик.

Когда наконец подруги остались одни, Фидо заварила чай.

– Ты могла бы спросить у меня разрешения, прежде чем распоряжаться моим домом, – недовольно сказала она.

– Но я знала, что ты согласишься. – Хелен грустно улыбнулась. – Не могу же я разговаривать с ним на Экклестон-сквер?

– Но, по-моему, ты сказала, твой муж не возражает, что Андерсон сопровождает тебя в прогулках по городу.

– Разве? Вряд ли.

Фидо напрягла память; возможно, она сама пришла к мысли, что адмирал, уединяющийся за работой в своем кабинете, не возражает против этого.

– Не хочешь ли ты сказать, что он... подозревает полковника в чувствах к тебе?

– Подозревает? Сомневаюсь. Гарри уже много лет не находит меня желанной, так что ему и в голову не приходит, что кто-то может вспылать ко мне любовью, – язвительно сказала Хелен. – Но, видишь ли, я предпочитаю, чтобы он не знал о возвращении Андерсона. Я хочу сказать, что отпуск полковника, – продолжила она, вставая и выглядывая в окно, – совершенно случайно совпал с нашим возвращением домой.

От волнения Фидо стало трудно дышать.

– О, Хелен! Не хочешь ли ты сказать, что Андерсон нарочно взял отпуск, чтобы последовать за тобой в Лондон, а Гарри думает, что он все еще на Мальте?

– Я сама ничего не знала, пока его письмо не оказалось на моем подносе для писем, – пробормотала Хелен, не отводя взгляда от улицы.

– Но...

– Не сердись, – мягко сказала Хелен. – Я собираюсь уладить все это. Но теперь ты понимаешь, что я не могу пригласить его к себе, а начать такой разговор на улице или в кебе тоже нельзя: вдруг он устроит мне сцену?

– Но он джентльмен... – нахмурилась Фидо.

– Да, но при этом находится в отчаянном состоянии. – Хелен обернулась и, понизив голос, с ужасом прошептала: – Последние несколько недель он говорил такие вещи... Вообрази, он угрожал, что покончит с собой.

Фидо крепко сжала губы. «Это вульгарно, боже мой, как это вульгарно!»

– Что ж, пусть ваша встреча состоится здесь. «Уж если делать, то скорее», – цитирует она. – И когда мне ожидать полковника?

Хелен взглянула на свои часики:

– Он должен быть с минуты на минуту.

Фидо вздрогнула.

– Я указала в записке четыре часа.

– Я не хочу присутствовать при этой сцене!

– Но, дорогая, я этого и не прошу! – Хелен подошла и взяла ее руку в свои удивительно холодные ладони. – Придумай какой-нибудь предлог и оставь нас одних на полчаса.

– Но...

Внизу тренькнул дверной звонок. Спустя минуту послышались тяжелые шаги Джонсон.

– Ты просто какой-то ураган, – проворчала Фидо. – Без тебя мне жилось гораздо спокойнее.

В глазах Хелен блеснули слезы.

– Не будь со мной так жестока, я не вынесу этого. Мне понадобится вся моя смелость для этого разговора.

– В таком случае помоги тебе Бог! – Фидо крепко обняла ее и поцеловала в блестящие волосы.

– Ты не встретишь беднягу у лестницы? – спросила Хелен. – Он с таким уважением относится к тебе!

«Что за чушь», – подумала Фидо, он и видел-то ее всего два раза. Но при всей своей щепетильности она сочувствует Андерсону, жалея из-за безнадежной любви; жалеет за пособачьи преданный вид, когда он быстро поднимается по лестнице, не подозревая об ожидающем его ударе. Любовь к Хелен, вероятно, величайшая драма его жизни, отныне несчастного неудачника ждет лишь монотонная и будничная жизнь в полку. Ему следовало скрывать свои чувства, решила Фидо, и изливать их в плохих стихах, после чего прятать в столе под замком. Но подобного рыцарства давно уже нет в нашей жизни. И как можно винить его в том, что он признался в своей любви, когда Хелен – чувствуя себя одинокой, к тому же она так тщеславна – определенно охотно согласилась его выслушать? (В уме Фидо, направляющейся к лестнице, всплыла любимая мамина поговорка «Джентльмен остается джентльменом до тех пор, пока леди не забывает о том, что она леди».)

Поэтому она весьма любезно поздоровалась с полковником и заварила ему кофе, так как он не пьет чай; она даже предложила ему добавить в кофе немного бренди, чтобы успокоить нервы. Она поговорила о чудесной прохладной погоде, высоко отозвалась о речи мистера Гладстона по поводу тайного голосования.

– Возможно, время для этого настало. Ведь оно уже принято во Франции и в Италии.

– Вот именно! – с презрительным смешком отозвался Андерсон. – Это все паписты придумали. Британец бросает свой бюллетень открыто, на глазах у соседей, и не стыдится этого.

– Человек независимый определенно этого не стыдится, – согласилась Фидо. – Но большинство избирателей находятся в зависимости от своих сквайров, работодателей, богатых клиентов, поэтому в день выборов они походят на стадо робких овец. Разве тайное голосование не защитит их от преследований, не придаст им смелости выразить свое мнение?

Андерсон пожал плечами:

– По моему мнению, в этом есть нечто трусливое и унижительное.

– А вы не находите, полковник, что здесь кроется парадокс? В условиях демократии для проявления искренности необходимо тайное голосование. Правда выявляется за занавесом!

Он снова перевел взгляд с нее на Хелен, сидящую на другом диване с мраморно-бледным лицом.

Пора! Фидо встала и тихо произнесла:

– Я обещала миссис Кодрингтон оставить вас для разговора тет-а-тет, поскольку ей надо сообщить вам нечто важное.

Андерсон растерянно поморгал и вскочил.

«Все», – с облегчением подумала Фидо и обернулась к Хелен, чтобы подбодрить ее взглядом.

Внизу, у себя в кабинете, она ни на чем не могла сосредоточиться. Сначала принялась просматривать сентябрьский номер «Журнала английской женщины», оставила несколько пометок на полях о необходимых изменениях, которые сделают его интереснее. (Она давно уже заметила странный парадокс: притом что все члены Лэнгхэмской группы самозабвенно

преданы своему великому делу, их «Журнал» отличается назидательным и даже раздражительным тоном, свойственным информационной газетке какой-нибудь маленькой ремесленной гильдии.) В глаза ей бросились напечатанные сплошными полосами статьи, и она возмущенно нахмурилась: ведь она постоянно напоминает наборщицам о необходимости оставлять пространство между материалами. Оставив журнал, она записала кое-какие расходы в конторскую книгу и ответила на короткое, ласковое письмо матери. «Мы получили разрешение Кембриджского университета подвергнуть нескольких серьезных кандидаток местным экзаменам, – пишет она. – Надеемся, что этот опыт поможет повысить стандарт образования девушек, чему, насколько я знаю, мама, ты всегда придавала большое значение».

Наконец Фидо не выдержала и посмотрела на свои часы: прошло всего четверть часа. Но кто знает, сколько нужно времени, чтобы объяснить человеку, что ему придется расстаться со своими надеждами?

Она нервно потеряла цепочку от часов, заметила на ней петельку и с помощью прессы-папы в виде миниатюрной копии Хрустального дворца³⁶ вернула на место два звена цепочки. Этот сувенир подарил ей отец на память о Великой выставке в Лондоне, на которой они побывали; ей было всего пятнадцать лет. (Из невероятного количества осмотренных экспонатов ей почему-то запомнился огромный перочинный нож с восьмьюдесятью лезвиями.) В тот самый год она истратила выданные ей на целый месяц карманные деньги на сборник стихов Лонгфелло под названием «Золотая легенда», но ее брат Джордж, который был очень набожным еще до посвящения в духовный сан и не одобрял ее увлечения поэзией, сжег драгоценный томик. Она с плачем пожаловалась матери, но приобрести другой экземпляр не осмелилась. Сейчас Фидо стала совершенно самостоятельной, и ей трудно представить, что она была такой робкой девочкой. Далеко же она ушла от той безмятежной и замкнутой жизни в доме приходского священника, основанной на незыблемых, как его фундамент, понятиях о семье и священном долге.

Девятнадцать минут. Скоро уже двадцать. «Вздор, – вдруг подумала Фидо. – Почему это я не могу войти в собственную гостиную?» К тому же Андерсон наверняка ретировался сразу, как только Хелен сообщила ему о своем решении; к чему ему усугублять унижительную ситуацию. Но хлопка парадной двери не было слышно, значит, он еще здесь. Скорее всего, сейчас он в отчаянии мечется по гостиной? Спорит с Хелен, осыпает ее возмущенными упреками? Или угрожает? Она живо представила его крупные руки с золотистыми волосками, вцепившиеся в нежные плечи Хелен.

В один момент Фидо взбежала по лестнице. У дверей в гостиную она в тревоге замерла, опасаясь услышать звуки ссоры. Если они разговаривают тихо, она даст им еще пять минут; было бы неприлично подслушивать. Между шторами на лестничном окне пробивается луч света, в котором танцуют пылинки. Как ни странно, Фидо вообще не услышала голосов, только какой-то непонятный звук, похожий на тихий хрип. Рыдание? Не мог ли Андерсон неслышно уйти, оставив Хелен в слезах? Или после бурного объяснения они погрузились в немое отчаяние?

Внезапно в воображении Фидо возникла картина поцелуя: коралловый ротик Хелен, светлые, как солома, усы офицера. Ее охватило нечто похожее на ярость. Она уже готова была распахнуть дверь, когда тихий звук стал вдруг более ритмичным и громким. Ей не приходилось слышать ничего подобного, поэтому она не сразу осознала значение того, что слышала. Не хриплые рыдания и не приглушенные возражения, нет, это звуки механического происхождения: она наконец поняла – отчаянно скрипят пружины дивана от движений двух тел.

³⁶ В Лондоне в 1851 г. состоялась первая Великая выставка изделий промышленности всех наций, которая проходила в специально для нее сооруженном грандиозном Хрустальном дворце.

Теперь Фидо уже не могла войти в гостиную. Только не сейчас! И вдруг она обнаружила, что ноги ее не держат. Она медленно осела на пол, и широкие юбки коричневого платья представились ее затуманенному взору подобием грязной лужи.

Глава 2

Feme covert³⁷

Когда мы приходим домой, мы сбрасываем маску, кладем инструменты и перестаем быть юристами, моряками, солдатами, чиновниками, священниками и становимся просто людьми.³⁸
Джеймс Энтони Фроуд. Немезида веры (1848)

Скоро с прогулки придут девочки, чтобы по заведенному порядку провести час с родителями. Вице-адмирал Генри Кодрингтон сидел в своем любимом кресле и читал «Телеграф». Его жена, опершись локтями на маленький инкрустированный столик и нервно поигрывая бриллиантом, смотрела на его квадратный затылок. Его седые волосы тщательно приглажены; белая рубашка, черный жилет и черный сюртук застегнуты на все пуговицы, хотя стоит страшная жара (которая обрушилась на город с новой силой в начале второй недели этого невыносимо скучного сентября, и, как только постоянная дымка на небе стала рассеиваться, почти все дома Уэст-Энда опустели – их счастливые обладатели уехали на рыбную ловлю или на охоту). Что ж, во всяком случае, у него еще нет никаких признаков лысины, равнодушно думала Хелен.

Она снова покатила в маленьких пухлых пальчиках бриллиант, затем опустила его в коробочку. Потом встала и потянулась, раскинув руки в стороны, насколько позволяли рукава. Порой Хелен чувствовала себя марионеткой, не знающей, кто дергает ее за ниточки.

Подойдя к камину, она сделала вид, что рассматривает пейзаж, который девочки выложили из засушенных листьев. И непрестанно размышляла о своей вчерашней ошибке. Эта мысль терзала ее, не давала покоя: нет, ее мучило не горькое сознание своей вины, а угрюмое недоумение по поводу собственного безрассудства. Бог мой, на диване у Фидо, в четыре часа дня! О чем она только думала? Воистину, она печется о своей безопасности не больше слепого котенка! «Черт бы побрал этого Андерсона с его пылкостью!» У нее приятно заняло внизу живота при воспоминании о том, как Андерсон овладел ею на жестком коричневом диване, не успела его хозяйка выйти из гостиной. Хелен поняла, что допустила ошибку, сразу, как только все закончилось. Она едва успела оправить юбки и охладить одеколоном пылающие щеки, когда вошла горничная Фидо, смерила ее негодующим взглядом и весьма неубедительно объяснила, что хозяйку вызвали по срочному делу.

Но каким образом ее подруга узнала, чем они с Андерсоном занимались, мучительно гадала Хелен. Фидо обещала дать им полчаса, и Хелен все время следила за стрелкой старинных часов. Или интуиция подсказала ей подняться наверх раньше оговоренного срока? Неужели она подслушивала у двери?

«Тогда и поделом ей!»

Хелен прикусила палец острыми белыми зубками. К чему терзать себя догадками? Сегодня утром она уже отправила ей две записки, первую беззаботную (с обычным вопросом о самочувствии), вторую немного встревоженную: «Даже если ты очень занята, дорогая, ты, конечно, найдешь минутку написать мне». Ответа не было. Нужно потерпеть, через два-три часа Фидо обязательно отзовется. Наверное, она сейчас в типографии или на Лэнгхэм-Плейс. Возможно, она ни о чем не знает, может быть, ее действительно куда-то вызвали. Она ответит ей днем, непременно ответит.

Хелен подошла к пианино и стала перелистывать ноты с пьесами Мендельсона, но крышку пианино не подняла. Не поворачивая головы, она знала, что муж оторвал взгляд от

³⁷ (англ., юр.: замужняя женщина)

³⁸ Фроуд Джеймс Энтони (1818—1894) – английский историк и журналист.

газеты. Прежде Гарри часто просил ее сыграть ему что-нибудь. Когда-то они даже пели дуэтом. Теперь она уже не помнит, она ли перестала для него играть или он перестал ее просить об этом. Да и какое теперь это имеет значение? На вышитом покрывале пианино стоит фотография в красивой рамке, изображающая все семейство, съехавшееся в поместье, которое генерал Уильям Кодрингтон, теперь губернатор Гибралтара, унаследовал от сэра Эдварда, героя Трафальгарской битвы. «Их дорогой папочка, знаменитый адмирал», – со злостью усмехнулась Хелен. Его сыновья, Гарри и Уильям, сидят, напряженно выпрямившись, рядом с длиннолицыми сестрами в окружении своих многочисленных отпрысков. (Среди них – любимая сестра Гарри леди Боуршир с вечно надменным замкнутым лицом. Хелен ее не переносит.) В заднем ряду сидит сама Хелен с маленькими дочками на коленях; она смотрит куда-то в сторону, разделенные посередине пробором ее волосы гладко зачесаны назад. (Спустя десять лет у нее такие же ярко-рыжие волосы, только лицо немного худее, и она втайне пользуется пудрой, тенями для век и бальзамом для губ с розовым оттенком.) Невестки, все как одна, в капорах, подвязанных под двойными подбородками огромными бантами. В каком возрасте Хелен должна будет носить этот жуткий головной убор?

В гостиную вбежали девочки, сразу нарушив напряженную тишину.

– Чем это вы занимались, что так раскраснелись? – спросил их отец, складывая газету.

– Они бегали в сквере, – предположила Хелен.

– В такую жару?!

– Мы не могли заниматься географией, мелки так и таяли у нас в руках, – сказала Нелл, оправляя полосатую юбку и присаживаясь на ручку отцовского кресла.

– И мы уговорили миссис Лаулес позволить нам растратить свою энергию! – добавила Нэн, явно довольная этой взрослой фразой.

– Вы встретили в сквере девочек Эткинс? – спросила Хелен.

– Для них слишком жарко.

– Они бы потеряли сознание.

– Вот так! – И Нелл распласталась на ковре и замерла.

Уголкем глаза Хелен видела повернутый в ее сторону длинный нос мужа, он явно дает ей возможность проявить авторитет матери.

– Сию минуту встань! – наконец говорит он.

– Я только показала, папа, – сказала, оправдываясь, Нелл и села.

– Люси Эткинс падает в обморок по любой причине, – выступила в защиту сестры Нэн.

– По любому поводу, – мягко поправила ее Хелен. – Пойми, Нелл, ты могла удариться головой о каминную решетку.

– Тогда у меня мозги вытекли бы наружу и забрызгали камин.

У Хелен дрогнули уголки губ от смеха над умением детей во всем видеть лишь забавную сторону.

– Дитя мое, где ты это взяла? – спросил Гарри.

– Она прочла про камин на плакате мальчика, который разносит газеты, – сказала Нэн, более старшая и умная. – Там было написано об ужасном убийстве в Айлингтоне.

– Ты выходила с утра? – обратился Гарри к жене.

Взмах длинных ресниц.

– Почему ты спрашиваешь?

– Просто интересуюсь, как ты провела этот день.

Хелен внутренне подтянулась, чтобы говорить убедительно:

– Я развезла целую кипу визитных карточек, кажется, ровно двадцать девять, – язвительно уточнила она. – Хотя, думаю, этим мы только покажем всем нашим соседям, когда они вернутся из загородных поместий, что в нарушение всех приличий нам некуда выехать из города в мертвый сезон, да еще в такую погоду!

Он едва заметно вздохнул.

– Но так велит обычай, – сказала она, – и я подчиняюсь. Я всегда находила его весьма обременительным и бессмысленным. Жена, видите ли, обязана развозить по знакомым карточки супругов, и только ради того, чтобы потом принимать эти невероятно скучные визиты.

– А чей это обычай? – поинтересовалась Нелл.

– Ничей, глупышка.

– Не обижай младшую сестру.

– Прости, папа.

– Но ты совершенно права, Нэн, это ничей обычай, – зевнула Хелен. – А точнее, всех.

– Ты не думаешь, что забиваешь им голову? – проворчал ее муж.

– Даже если и так, то ничего страшного.

– Я в этом не уверен. Обычай и традиции, девочки, – это то, на чем держится цивилизация, – говорит он, положив узловатые руки на колени. – Каждое поколение формирует нормы поведения, убеждается в их целесообразности и передает следующему поколению.

– И кто теперь забивает им голову? – насмешливо спросила Хелен. – А уж если говорить о наших предках, то они мылись всего раз в год.

Девочки брезгливо вскрикнули.

Гарри поджал сухие, потрескавшиеся губы.

– Обычно в основе этих правил лежит здравый смысл. Так, например, жены обязаны принимать и отдавать визиты, потому что их мужья заняты серьезными делами.

– Не всегда, – усмехнулась Хелен.

– Ты имеешь в виду что-то конкретное, дорогая моя?

Когда он называет ее «дорогая моя», она вся ощетинивается.

– Нет, – не в силах сдерживаться, язвительно ответила она. – Я только хотела сказать, что в перерывах между сессиями парламента лорды мучаются от безделья, что адвокаты, если у них нет клиента, не знают, куда себя деть, и что даже морские офицеры весьма высокого ранга порой годами торчат без дела на берегу.

Гарри сохранял внешнее спокойствие, хотя морщины вокруг его глаз обозначились резче.

– Как и следовало ожидать, ты уже в полной мере оценила систему выплаты половинного жалования в мирное время, что позволяет морскому флоту ее величества иметь в постоянной готовности мощные военные силы, состоящие из квалифицированных офицеров.

– А зачем их иметь в постоянной готовности? – с едва заметным презрением поинтересовалась она. – Насколько я помню, последнее крупное сражение было при Трафальгаре.

– В 1805 году, – вставила Нэн.

– Умница, – машинально похвалил ее Гарри.

– «Правь, Британия, морями!»³⁹ – пропищала Нелл.

Чтобы не отстать от нее, Нэн тоненько запекает начальные строки морского марша «Сердце дуба»:

Веселей гляди, ребята, наш корабль летит вперед!

Но отец велел ей замолчать и обернулся к жене:

– Боюсь, ты демонстрируешь свое невежество. А как же Наварин⁴⁰, Акра⁴¹, Свеаборг?⁴²

---

³⁹ «Правь, Британия, морями!» – патриотическая песня Великобритании, написана в 1740 г. по поэме Джеймса Томсона на музыку Томаса Арна.

⁴⁰ Наварин – греческий город на юго-западе п-ва Пелопоннес. Во время войны Греции за независимость произошло Наваринское сражение 20 октября 1827 г. между соединенным английским (под командованием Э. Кодрингтона), французским и русским флотами, с одной стороны, и турецко-египетским флотом под командованием Ибрагим-паши – с другой, в результате которой было уничтожено 55 турецких кораблей.

«Ах да, Наварин! – с мрачным презрением подумала Хелен. – Как же я могла забыть эту стычку с неприятелем, во время которой юный гардемарин Гарри был ранен шрапнелью в бедро и получил пулю из мушкета в икру, когда меня еще и на свете не было!»

– Да разве бойня при Акре считается сражением? – невозмутимо спросила она. – Я думала, что для британской артиллерии обстрел сирийского городка равносителен схватке медведя с мышкой.

Он принужденно усмехнулся:

– Право, не знаю, девочки, почему вашей маме доставляет удовольствие городить эту чушь!

– Я только спрашиваю, чем именно занимаются военные моряки? По моим представлениям, в наши дни они бесполезнее полисменов. Те хотя бы следят за порядком в городе.

Ее забавляет мысль, что Гарри предпочел бы проигнорировать ее вопрос, но врожденная педантичность заставляет его ответить.

– С таким же успехом можно было бы спросить, для чего возводятся крепости, – холодно заметил он. – Флот ее величества является плавающей крепостью вокруг ее империи. – Он обратился к девочкам, более внимательным и впечатлительным слушательницам. – Когда мы играем мускулами, пираты и работорговцы дрожат от страха!

Девочки притворно дрожат и ежатся.

– Как и индийские мятежники, турецкие захватчики и даже огромный флот русского царя, – продолжал Гарри. – Во всем мире существует мнение, что само присутствие в океанах наших военных кораблей с их непотопляемыми металлическими корпусами предотвращает войну.

– А какой корабль самый большой и сильный? – спросила Нелл.

Хелен может побиться об заклад, что Нелл нисколько не интересуют военные корабли. В подобные минуты, когда девочки стремятся подольститься к отцу, она с трудом скрывает раздражение.

– Гм... Очевидно, «Варриор», поскольку его огневой мощи достаточно, чтобы подавить сопротивление любой иностранной флотилии. У него двадцать шесть пушек со снарядами в шестьдесят восемь фунтов и десять – со снарядами в сто десять фунтов...

Хелен позволила себе многозначительный взгляд.

– Во всяком случае, девочки, можно считать, что вы не пропустили урок по арифметике.

– А все-таки старые деревянные корабли лучше. Они такие красивые! – заявила Нэн.

– Что ж, пожалуй, многие с тобой согласятся, – сказал Гарри. – Однако, на мой взгляд профессионального моряка, плавные очертания черного корпуса «Варриора» больше соответствуют современным представлениям о красоте. В последнем письме дядя Уильям пишет, что, когда он подошел к пристани в Гибралтаре, посмотреть на него сбежалась громадная толпа.

«Завтра! – с нетерпеливым возбуждением подумала Хелен. – Завтра я могу где-нибудь встретиться с Андерсоном, почему бы и нет? Может быть, в Национальной галерее? Нет, там слишком темно и грязно, одни продавщицы назначают там свидания. Где-нибудь на открытом воздухе, в толпе?»

– Так вот, чтобы разъяснить твое заблуждение, дорогая моя, – продолжал тем временем Гарри, переводя на нее взгляд своих больших выпуклых глаз, – войска в резерве – это лучшее оружие, ибо оно избавляет от лишнего кровопролития. Лучшая защита – это бдительность.

Ей уже надоела эта тема, но она не желает оставлять за ним последнее слово. Она зевает, деликатно прикрывая рот ладошкой.

---

⁴¹ Акра – в настоящее время небольшой город на северо-западе Израиля. В XIX в. одно время был основным портом для Дамаска. В 1840 г. после обстрела города британско-франко-австрийской флотилией был возвращен Турции.

⁴² Свеаборг – бастионная система укреплений на островах близ Хельсинки. В 1855 г. во время Крымской войны Свеаборг подвергся бомбардировке со стороны англо-французского флота.

– Но мне кажется, что тактика предотвращения военных действий при помощи одного лишь присутствия морского флота имеет один недостаток. Я имею в виду, что его способность противостоять противнику только предполагается, а не доказывается на деле. Это можно сравнить с тем, как если бы снаружи у нашего дома стоял толстый привратник с пистолетом под плащом. – Она кивком указала на Экклестон-сквер. – Так вот, он стоит себе и дремлет, но стоит нам выйти, как он просыпается и уверяет нас, что его присутствие предотвратило нападение на наш дом целой банды хулиганов!

Лицо Гарри окаменело. Помолчав, он заметил девочкам:

– Просто голова идет кругом! Похоже, у вашей мамы снова разыгралось воображение!

Девочки послушно засмеялись:

– Мама такая глупышка!

Она чувствует ледящую ненависть.

– Что ж, видимо, эта тема слишком болезненна для тебя... учитывая твоё положение.

Он удивленно вздернул кустистые угольно-черные брови.

– Мое...

– Я имею в виду отсутствие в настоящее время какой-либо должности.

– Мое командование считает, что после семи лет непрерывной службы я имею право на восстановительный отдых, – заявил он, и на его шее задергался мускул.

– Нет-нет, прекратим этот разговор. Я почитаю газету, а вы с девочками развлекайтесь, поупражняйтесь на ковре в падании в обморок.

Нелл и Нэн смеются, но в глазах их мелькает испуг.

Она протягивает руку к «Телеграф».

– Но я еще не закончил, – возразил Гарри, беря газету и разворачивая ее. – Девочки, здесь есть интересная для вас заметка. Вы знали, что на Бейсуотер стоит дом с фальшивым фасадом, то есть у него имеется только одна стена, выходящая на улицу. Она специально возведена для того, чтобы скрыть железнодорожный туннель.

– А зачем его скрывать? – спросила Нелл.

– Так улица выглядит более аккуратной и красивой. А иначе перед пешеходами вдруг будет возникать поезд, который проносится мимо и скрывается в туннеле у них под ногами.

– Вот было бы здорово!

– А у тети Фидо был приступ астмы, когда она оказалась в подземке, правда, мама?

Хелен поражена тем, что Нелл это запомнила.

– Да, после того, как мы с ней неожиданно наткнулись друг на друга на улице.

– Не понимаю, почему вам вздумалось ехать в подземке, когда ты можешь позволить себе нанять кеб, – недовольно заметил ее муж.

– Видимо, я неправильно тебя поняла, – тихо сказала Хелен. – В последний раз, когда я попросила тебя завести экипаж, ты поднял такой шум, будто мы стоим на грани разорения. – Увидев испуганные глаза девочек, она быстро успокоила их: – Мама шутит, дорогие.

– У взрослых шутки совсем не смешные, – заметила Нелл.

– Ты права, – сердито поддержал ее Гарри.

– На прошлой неделе Фидо показала мне свою знаменитую типографию, – осторожно произнесла Хелен, пробуя почву.

Муж презрительно фыркнул:

– Вот уж не подумал бы, что тебя может интересовать промышленное предприятие.

– Ну, как-то нужно занять день. До января в городе царит смертельная скука.

Ледяное молчание с Тэвитон-стрит означает, что Хелен перешла некую черту. Хотя Фидо проявила горячее желание помочь подруге предотвратить роман с красивым полковником, оказывается, состоявшийся роман вызывает у нее абсолютно иное отношение. «Ханжа!» – мысленно заклемила ее Хелен. В представлении обделенных женским счастьем старых дев секс

выглядит страшным грехом. Неужели эти несколько мгновений тайного наслаждения на чужом диване определяют разницу между добродетелью и грехопадением?

– Ты всегда можешь провести время с дочерьми, помочь им совершенствоваться во французском и в игре на фортепьяно, – скрестив длинные ноги, заметил Гарри.

– Разве не за это мы платим миссис Лаулес?

Он невозмутимо уточнил:

– Я действительно плачу ей за это, но долг матери – подготовить их к будущей роли в жизни.

– Между прочим, именно это я и делаю, – возразила Хелен. – Я беру их с собой выбирать обои, позволяю им сидеть в кебе, когда выезжаю с визитами...

– Я говорил о домашних обязанностях.

– О каких? Учить их варить баранью ногу?

– Ты опять говоришь глупости. Я имею в виду следить за хозяйством.

– Миссис Николс и ее помощницы прекрасно справляются с приготовлением блюд, и им будет неприятно, если мы втроем будем болтаться в кухне и следить за ними.

– Я веду к тому, что с нравственной точки зрения материнское воспитание ничто не может заменить.

– Если ты намерен читать мне нотации, я настаиваю, чтобы ты дал мне газету... – Она протянула к ней руку.

– Не надо читать, мамочка! – Нэн повисла у нее на руке. – Расскажи нам, чем знаменита эта типография тети Фидо.

Такие маленькие, а уже обладают женским умением перевести разговор в другое, более мирное русло.

– Тем, что у нее в типографии работают женщины и девушки.

«А если Фидо ничего не ответит ни сегодня, ни на следующей неделе?» Похороненная дружба, которую Хелен с таким трудом извлекла из забвения и оживила, снова угрожает выскользнуть у нее из рук.

Гарри усмехнулся:

– Работающая женщина из буржуазии – такое же новомодное изобретение, как стереоскоп. Все эти наборщицы, медсестры, телеграфистки и библиотечарши скоро исчезнут, как птицы зимой.

– В следующую нашу встречу я постараюсь не забыть и передать ей твое ободрение.

«Нет, я не допущу, чтобы она меня бросила! – с внезапным приступом гнева подумала Хелен. – Я все улажу, заставлю ее вспомнить, как она меня любит».

– Кстати, про стереоскоп, папа, нам надоели одни и те же картинки, они у нас уже давно, – пожаловалась Нелл.

– Ну да, целый месяц, – усмехнулась Хелен.

– В магазине продаются наборы фотографий Японии на папиросной бумаге. Это очень познавательно, – добавила Нэн.

– Что ж, покажите мне каталог, – предложил отец.

– Ты им потакаешь, – тихо упрекнула его Хелен.

– Мама, можно в следующий раз мы посмотрим типографию тети Фидо?

– Нельзя! – одновременно ответили родители.

– Вы можете попасть в печатную машину и выйти оттуда плоскими, как бумага, – заявил Гарри.

Нэн живо изобразила это, и сестры восторженно расхохотались.

* * *

Хелен встретила с любовником в зоосаде, в северной части Риджентс-парка.

– Должен признать, мы были с тобой весьма неосторожны на Тэвитон-стрит. А твоя мегера мне понравилась.

Хелен с возмущенным возгласом ткнула ему в бок, и он удержал ее руку.

– Извини! Я хотел сказать, твоя энергичная подруга. Выглядит она, правда, простоватой, но, несмотря на радикальные взгляды, похоже, сердце у нее доброе. Вот только интересно, будет ли она нам помогать, если наше свидание вызвало у нее такое праведное негодование?

– Предоставь это мне, – уверенно успокоила его Хелен.

– А ты говорила, она все понимает, – упрекнул он ее.

– Да, во всяком случае, как никто. – Да и на кого еще могла Хелен положиться в этом городе, где на каждом шагу можно встретить знакомых!

– Но я все равно не понимаю, зачем ты сказала ей, что собираешься дать мне отставку...

– Что вы, мужчины, понимаете в женской дружбе! К тому же не забывай, что она дочь викария, так что ей нужно время, чтобы как-то привыкнуть к этой ситуации. Я уверена, что скоро уговорю ее передавать наши письма и даже позволить нам снова встретиться у нее...

– Как раз времени у нас очень мало, – проворчал Андерсон.

Хелен не в силах спросить, известна ли ему уже дата его вызова. Не утратит ли он любовь к ней, оказавшись вдали? Ведь в Валлетте найдутся и другие смелые и неудовлетворенные женщины. Ветер со стороны Карнивор-Террас нес удушливый запах гниющей соломы, и она поспешно опустила вуаль.

– Ты сегодня мрачный, как медведь. – Она стиснула его пальцы рукой, затянутой в перчатку.

– В самом деле? – спросил Андерсон. – Признаться, мне чертовски надоело по три раза в день таскаться на почту. Никогда не знаешь, когда увидишь свою *innamorata*⁴³, а сам не смеешь написать ей, чтобы письмо не попало в руки ее мужу...

Скрывая раздражение, она ласково улыбается.

– Но мы же встретились. – Они медленно идут дальше. – Помнишь, что ты прошептал мне на ухо на пристани?

Судя по выражению его лица, он этого явно не помнит.

– Когда я собиралась подняться на корабль в Валлетте, – нежно напомнила она. – Ты сказал, что, пока не увидишь меня в Лондоне, весь день и всю ночь будешь хранить мой образ в мыслях, как драгоценность.

Он весело усмехнулся:

– Но теперь, когда я здесь, одних мыслей недостаточно; мне нужно чувствовать тебя в моих объятиях.

Она хотела резко напомнить, что всего четыре дня назад он не только обнимал ее, но вместо этого со вздохом воскликнула:

– О, ради целительного воздуха нашего дорогого острова!

На сердце у нее было неспокойно. Она понимала, что его привязанность к ней держится на тоненькой ниточке. На Мальте в обществе военных допускалась некоторая свобода поведения. Гарри практически жил в штабе; если и ходили какие-то слухи о его хорошенькой жене и ее постоянном спутнике, то без сурового осуждения, это ей известно наверняка. Но в Англии у Гарри много свободного времени, он вечно торчит дома и, кажется, просто не знает, чем себя занять, что ее крайне нервирует. Он досаждал ей своими дурацкими советами: чего стоит

---

⁴³ Возлюбленная (*um.*).

хотя бы его требование, чтобы она приучала девочек следить за слугами! Увы, здесь, в родной стране, Хелен не чувствует себя спокойно и в безопасности.

Сложив руки на груди, Андерсон посмотрел на лениво развалившихся львов.

– В столь тесных клетках эти несчастные хищники способны выжить не больше года или двух, но, когда территорию зоосада увеличат, думаю, у них появится больше интереса к жизни.

– В твоих словах мне чудится какой-то скрытый намек.

– Что ж, ты права: свобода преображает жизнь.

Он порывисто поднес ее руку к своим пылающим губам.

Хелен отдернула ее:

– Не смей!

– Боишься, что в этой толпе нас может кто-нибудь увидеть?

– Иногда гувернантка приводит сюда дочерей погулять.

– Твоя материнская любовь просто поражает, – с еле заметной иронией сказал Андерсон. – Она вспыхивает весьма неожиданно и моментально гаснет, как комета в небе.

Хелен бросила на него негодующий взгляд:

– Мои дочери для меня все!

– Извини. Ты сама заставила меня забыть о приличиях. – Морщась от неприятного запаха, идущего от клеток, он закурил душистую сигарету.

Крымская кампания оставила свой отпечаток на английских джентльменах, с сожалением подумала Хелен; уезжали гладко выбритыми, а вернулись с этими противными бородами и пропахшие табаком.

– Порой родителям приходится лгать детям, – заметила она. – Я хочу сказать, защищать своих дочерей от правды, пока они не выйдут замуж и сами все не поймут.

– Твоим дочуркам явно повезло, – усмехнулся Андерсон. – Хочешь посмотреть на гремучую змею?

Когда она последний раз приводила сюда девочек, огромный боа на их глазах заглотал утку, и Нелл целую неделю снились кошмары.

– Полагаю, ты просто хочешь завести меня в темное место, – с принужденной улыбкой шутит она.

– Ты устроила мне жестокую пытку, приведя туда, где все эти твари милуются и совокупляются, тогда как мне даже украдкой нельзя тебя поцеловать!

На этот раз у Хелен вырвался искренний смех.

Он же тяжело вздохнул:

– Если бы до моего отъезда в Шотландию нам удалось хотя бы час провести где-нибудь спокойно...

– Лично мне и здесь спокойно, – заверила она, хотя на самом деле с трудом сдерживала раздражение. Он снова едет в Шотландию на столетнюю годовщину своей бабки, когда мог бы остаться в Лондоне!

– Ты ведьма! Представляю, как ты посещаешь приговоренных, мучишь их и уходишь, оставляя аромат своих духов в спертom воздухе камеры...

Она улыбнулась, разглядывая спящую в клетке большую черную пантеру.

– Может, найти двуколку и покататься по парку? – предложил Андерсон.

– Лондонские извозчики известные сплетники.

– С какой тоской я вспоминаю адмиральскую гондолу! Эти лунные ночи, тихий шепот волн...

– Ты невыносим! – с милой улыбкой упрекнула его она.

– Моя квартирная хозяйка ужасно любопытна и назойлива, – осторожно заговорил Андерсон, – но я знаю один очень приятный и тихий отель...

Хелен устремила на него холодный взгляд.

– В этом есть нечто гадкое.

– Прошу тебя, не сердись!

Андерсон выглядел таким сокрушенным, что она подняла голову и прошептала ему на ухо:

– Терпение! Ты знаешь, я с радостью отдала бы за тебя жизнь!

– Дорогая моя, храбрая девочка! – хрипло простонал он. – Прекрасная Елена, чья красота способна разметать сотни кораблей и...

Она отстранилась, не дав ему поцеловать себя.

– Когда ты должен ехать? – вырвался у нее вопрос, о чем она сразу пожалела.

Лицо его сразу утратило восторженное выражение.

– Приказ от начальства должен поступить со дня на день.

– Но ты всегда можешь попросить, чтобы тебя направили в полк, который располагается в Англии, не так ли? – Не стоило ей заводить этот разговор; она ступает на зыбкую почву. – Я слышала, офицеры часто так делают, если их полки отправляют служить в Канаду или в Вест-Индию...

– Как ты понимаешь, я предпочитаю Мальту.

Она отвернулась, пряча заблестевшие от слез глаза.

– А еще офицеры частенько продают свой патент, – заметил он. – Ты этого хочешь?

– Нет, конечно, – проглотив комочек в горле, ответила она. – Мне бы не хватало твоего блестящего алого мундира.

Андерсон выдал смешок. Помедлив, он щелкнул крышкой карманных часов.

– Сейчас будут кормить орлов, хочешь посмотреть?

– Нет, я собираюсь вернуться домой, – возразила в отместку ему Хелен.

В записке, которую Хелен отправила на следующее утро, она уже не делала вид, что ничего не произошло. В конце концов, ее давняя подруга – со своими радикальными взглядами и независимым образом жизни – не такая, как другие женщины. Испытанная тактика в виде лести, иносказаний и уловок здесь не поможет. Хелен решила покаяться Фидо.

«Кроме тебя, у меня нет ни одного друга на свете, – вдохновенно импровизировала она, – и я с волнением и страхом прошу тебя выслушать всю историю из моих уст, прежде чем ты вынесешь окончательное суждение. Ведь совсем недавно ты говорила мне, что родственные души должны поддерживать друг друга в любых испытаниях!»

* * *

Час за часом ждет она ответа. Время визитов подходит к концу. Гарри, который провел день в Дептфорде, любуясь каким-то новым бронированным шлюпом или шхуной (Хелен отказывается понимать эти различия), вошел в гостиную и уселся за чай. Он просматривал доклад о реформе во флоте; Хелен читала последний выпуск «Нашего общего друга»⁴⁴, но путалась в героях. Такое впечатление, что каждый из них находится в отдельной ячейке пчелиных сот: их разделяет стена отчуждения.

Наконец звонок в дверь! В гостиную заглянула горничная и сообщила о приходе мисс Фейтфул, и у Хелен возникло чувство, будто гора свалилась с плеч.

– Проводите ее сюда, – невозмутимо распорядился Гарри.

Он протянул свою чашку; Хелен поняла, что он хочет, чтобы ему налили еще чаю. Почему он не уходит?

---

⁴⁴ «Наш общий друг» – роман Чарльза Дикенса.

Вошла усталая Фидо. У Хелен прервалось дыхание. Она мимикой выразила ей сожаление: «Если бы мы были одни!» – но Фидо ответила ей чужим, равнодушным взглядом.

Гарри встал во весь свой громадный рост и приветствовал гостью. Глядя на него рядом с невысокой Фидо, Хелен нашла в его росте нечто дикое, первобытное. Нет, это не благородный норманн, а потомок более древней расы: он происходит от жестоких гуннов, в его руках уместно выглядел бы окровавленный топор.

Все сели и начали передавать друг другу тарелку с бутербродами. Гарри принялся расспрашивать об одном из братьев Фидо, который недавно получил звание капитана. Вскоре они перешли к ее любимой теме – борьбе за права женщин.

– Видите ли, адмирал, уже половина британских женщин вынуждена работать, чтобы прокормить семью, – объясняла Фидо. – И в основном они занимаются изнурительным и отупляющим трудом в угольных шахтах или изготавливают цепи.

– Ну, жены и дочери бедняков – это дело другое, – возразил Гарри. – Но когда речь идет о женщинах среднего или высшего общества...

Она прерывает его:

– У нас на бирже я постоянно вижу несчастных жен и даже дочерей джентльменов, разорившихся, когда стоимость акций, в которые они вложили свое состояние, резко пошла вниз. Некоторые джентльмены по другим причинам не в силах обеспечить семью.

– Ты имеешь в виду девочек, как Нелл и Нэн? – спросила Хелен и, видя, как ее муж гордо распрямляет плечи, едва удержалась от смеха.

– Конечно, ваши дочери получают хорошее воспитание и образование... Но в какой области они смогут зарабатывать средства, если, не дай бог, для них настанет черный день? Я считаю, что не отсутствие природных способностей, а наши предрассудки и законы лишают их возможности работать в магазинах, в конторах, управлять школой, институтом или помещьем...

Гарри надменно фыркнул:

– Не думаю, что мне будет трудно подыскать мужей для моих дочерей.

«Для моих дочерей! – возмущенно подумала Хелен. – Будто они появились из его бедра!»

– Кстати, сорок три процента англичанок в возрасте двадцати лет – незамужние, – сообщила Фидо.

Цифра вызвала у него изумление.

– Фидо, ты у нас буквально ходячий справочник! – пробормотала Хелен.

– А! – воскликнул Гарри, подняв длинный палец. – Но если вы и ваши друзья утописты собираетесь обучать девушек из родовитых семей, чтобы они стали независимыми от нашего пола, – если вам удастся убедить их в том, что одинокая жизнь – широкая дорога, а замужество только торная тропа, – так зачем им вообще выходить замуж?

Подумав, Фидо ответила:

– Для большинства женщин, адмирал, супружество является особым и достойным уважения призванием, но, поскольку у меня отсутствует личный опыт, я вряд ли могу судить о его привлекательности.

Гарри наградил ее долгим взглядом, затем разразился хохотом.

Хелен уже забыла, как они нравились друг другу в прежние годы. «Он всегда больше уважал ее мнение, чем мое», – с легкой ревностью подумала она.

– Приятно было снова повидать вас, мисс Фейтфул, после стольких лет. А сейчас, к сожалению, мне нужно написать несколько писем, – сказал он, вставая.

Как только он вышел, в комнате повисла гнетущая тишина. Хелен заставила себя отставить чашку и приступить к разговору:

– В тот день, дорогая моя, у тебя в доме, в момент слабости, за что я себя жестоко корю...

– Этот момент был довольно долгим.

У Хелен загорелось лицо; она уже не могла вести разговор так, как намеревалась.

– Твоя совесть – это твое дело, – с трудом произнесла Фидо. – Но я ожидала от тебя более приличного и достойного поведения.

Вот как? Значит, она воспринимает ту сцену как преступление против английского этикета? Затем Хелен более внимательно всмотрелась в Фидо – взгляд в сторону, строго сжатые губы – и поняла! «Она оскорблена, потому что я не сказала ей об этом заранее, она не может вынести мысли, что это произошло на ее диване!» Хелен импульсивно упала на колени.

– Что ты делаешь?! – гневно воскликнула Фидо.

В голове Хелен мелькнуло сомнение в правильности своего поведения, но она решила, что лучше перестараться.

– Прошу тебя, умоляю простить меня, – едва слышно сказала она и, как провинившаяся собака, положила голову на колени Фидо. – Ты имеешь полное право бросить в меня камень. Но позволь мне только сказать, что это не было... заранее запланировано... Все произошло так внезапно, так неожиданно...

Молчание, затем вопрос:

– Правда?

«Ага! – торжествует Хелен. – Она готова меня простить! Все это время она мечтала вернуть меня!» Она слегка отпрянула и потерла кулачками сухие глаза.

– Встань, малышка моя. Сядь подле меня. В некотором смысле я сама виновата, – сказала Фидо, уткнувшись в носовой платок.

Хелен удивилась: что она хочет этим сказать?

– Ведь это я подтолкнула тебя к резкому разрыву, – шепотом произнесла Фидо. – Наверное, я была слишком наивной; наверное, из-за незнания противоположного пола я не понимаю всей опасности общения с мужчинами. Когда закаленный в битвах ветеран видит, как то, к чему он стремится, вот-вот ускользнет от него...

«Она думает, во всем виноват Андерсон. Господи, в таких вещах она доверчива, как ребенок!» – изумилась про себя Хелен и несколько раз кивнула.

– Он был так взбешен...

Фидо сжала ей руку:

– А я, глупая, оставила тебя наедине с ним, в моей собственной гостиной! Дорогая моя, он сделал тебе больно?

– Нет, нет! – Хелен спохватилась, что заходит слишком далеко.

Неужели Фидо так мало знает о мужчинах, что всех до одного считает необузданными дикарями? Хелен, не поднимая головы, размышляла, в чем можно ей признаться, не рискуя вызвать подозрений?

– Возможно, ты не мужчин плохо знаешь, а женщин. – Она нерешительно умолкла, затем набралась храбрости. – Когда я сказала, что хочу положить конец этой страсти, я имела в виду не только его страсть.

Ужасное, гнетущее молчание. Круглое лицо Фидо вдруг словно похудело на глазах. Неужели Хелен допустила промах?

– Мне всегда нужна была твоя поддержка, ты умела противостоять моим слабостям, – страстно взмолилась она, – но сейчас я нуждаюсь в тебе как никогда прежде!

– О, бедная моя девочка! – Фидо крепко обняла ее.

Голова Хелен притиснута к платью подруги, от которого пахнет едкой типографской краской, но она почувствовала прилив невероятной радости и облегчения.

– Если ты отдала свое сердце этому человеку... тогда нет смысла докучать тебе строгими нотациями, факт уже свершился. Но ты должна, обязана осознать, что сбилась с пути, изменила себе, – говорит Фидо, слегка отстраняя Хелен и пристально глядя на нее своими карими, как у собаки, глазами. – И речь идет не о нарушении принципов морали, хотя и об этом тоже. Главное

же в том, что ты позволила себе утратить чувство собственного достоинства, самоуважение, и...

Но Хелен ее не слушала, готовясь к дальнейшему приступу.

– Порой я боюсь, что мои чувства к нему сильнее меня, – сокрушенно призналась она. – Что он оторвет меня от мужа, даже от моих детей...

– Не говори так! Даже не произноси эти ужасные слова! Моя любовь сильнее его любви, – уверяла Фидо, – и я спасу тебя!

Хелен с удивлением отметила, что довольно невзрачное лицо ее подруги вдохновенно преображается.

– О, Фидо, ты одна стоишь между мной и этой пропастью!

Обе умолкают, их руки тесно переплетаются подобно корням дерева.

Фидо откашлялась.

– Ужасно неловкий... практичный вопрос... А что, если что-то произойдет?

Думая о перевернувшемся кебе или о падении с балкона, Хелен недоумевает, но затем догадывается, почему ее подруга так смущена, и едва сдерживает смех.

– Нет, нет, не беспокойся!

«Каким ужасом и отвращением исполнилась бы Фидо, узнай она о моих тампонах и спринцевании?!»

– Ну, во всяком случае, тебе больше нельзя с ним видаться, это ты понимаешь? – мягко спросила Фидо. – Вероятно, это так же трудно, как отказаться от приема опиума; говорят, лучше сделать это сразу, покончить раз и навсегда.

Хелен резко выпрямилась; разговор должен был пойти совсем не так; она запуталась в своих же хитростях.

– Напротив, – импровизирует она на ходу, – порвать сейчас с Андерсоном было бы очень опасно... Он может прийти в такое бешенство и отчаяние, что обо всем расскажет мужу.

– Он не посмеет!

– Но могу ли я рисковать?

Фидо поморщилась.

– Если он на это пойдет, ты можешь все отрицать.

«Ого! – втайне усмехнулась Хелен. – Так сколько же сейчас стоит правда?»

– Какие доказательства может привести Андерсон?..

– Письма, – прервала ее Хелен с несчастным видом. – И подарки, например мой локон.

Ее подруга в ужасе прижала руки ко рту.

– Все хуже и хуже!

– Нет, мне остается только повести дело так, чтобы он привык к мысли о расставании, постепенно, мало-помалу, – настаивала на своем Хелен.

– Но затягивать эти отношения так опасно...

– Ты хочешь сказать, что нас могут раскрыть?

– Я имею в виду – опасно в нравственном отношении, – резко возразила Фидо. – Обман будет разъедать твою душу, и чем дальше, тем сильнее.

Хелен с трудом скрывала свое изумление.

– Ты должна мне помочь, Фидо, помочь нам обоим.

– Обоим?! – с негодованием воскликнула Фидо.

– Андерсон не желает причинить мне вред.

– Как ты можешь так говорить? Этот негодяй уже вел себя по отношению к тебе, как... –

Она опустила это слово. – У меня в гостиной!

– В этом есть и моя вина, – напомнила Хелен. – Теперь ты должна стать нашим другом.

– Твоим, только твоим!

– И его, если ты мне друг. Ты будешь нашим духовником, нашим спасителем.

По лицу Фидо пробежала судорога. Хелен следила за его выражением и чувствовала, что она колеблется, что вот-вот уступит.

– Я сделаю все, что в моих силах и что не противоречит...

– Благодарю тебя, да благослови тебя Бог! – прервала ее Хелен и поцеловала в горячую щеку.

15 сентября

После прочтения уничтожь.

Дорогая моя малышка!

Как и обещала, я передала твое вчерашнее письмо известной тебе особе и прилагаю его ответ. Ты видишь, что я не запечатала письмо своей печатью из соображений безопасности.

Мне очень не по душе все эти тайны, но, поразмыслив, я пришла к выводу, что они оправданы тем, что совершаются ради добра, то есть в целях ограждения тебя – и всей твоей семьи – от несчастья. При всех моих претензиях к браку факт остается фактом – когда пятнадцать лет назад ты вышла замуж, то отправилась в плавание именно с этим мужчиной, и все твое будущее зависит от того, удастся ли предотвратить кораблекрушение.

Я по-прежнему уверена, что дальнейшие твои встречи с упомянутым человеком лишь дадут ему основания питать ложные надежды, но вынуждена согласиться: тебе самой нужно добиться разрыва отношений самым безопасным способом (да и что я знаю о мужском сердце?). Предстоящий его отъезд, надеюсь, положит конец этой опасной драме, и хотя, вероятно, ты будешь страдать без него, я обещаю утешить тебя всем своим сердцем.

С того дня, как ты доверила мне свою ужасную тайну, я не спала ни одной ночи, но бессонница, дорогая моя, – это самая маленькая жертва, какую я могу принести на алтарь дружбы, которая, как я думала, умерла, но которую милосердное Провидение сочло нужным возратить нам, подобно хлебам, брошенным в воду. Помни, я всегда с тобой, всегда рядом. И не говори, что ты «этого недостойна», это вызывает у меня слезы. Да, ты легкомысленна и своенравна, но в душе твоей нет зла. Да и когда это критерием для дружеских отношений были соображения о том, достоин ли их человек, привлекий твоё внимание? Любовь возникает внезапно, помимо твоей воли. С того момента, как я увидела тебя на берегу моря в Кенте, я принадлежу тебе, и так будет всегда.

Если, как ты говоришь, вам положительно необходимо встретиться в каком-либо безопасном месте, то я уступаю твоему настоянию: я написала ему, чтобы он пришел ко мне домой завтра (шестнадцатого) в половине пятого, а тебя ожидаю на полчаса раньше. Вряд ли нужно говорить, что я останусь в комнате на все это время, и надеюсь, что ты больше не позволишь ему использовать в своих целях мое гостеприимство.

Твоя, как всегда...»

В скромной гостиной Фидо Хелен не стала садиться на диван и опустилась на старый стул у камина.

Фидо подвинула к ней свой стул.

– Вооружись, дорогая моя. Тебе нужно быть очень сильной и твердой.

– В самом деле? – рассеянно произнесла Хелен, которую бесит торжественно-скорбный тон подружки и чайный столик, накрытый для кофе, но без кекса.

– Ты уверена, что хорошо знаешь этого человека, из-за которого рискуешь погибнуть?

«Рискую погибнуть! – усмехнулась про себя Хелен. – Начиталась глупых романов!»

– Видишь ли, я взяла на себя смелость спросить у своих знакомых из Шотландии, что им известно об Андерсоне, и сегодня утром получила довольно тревожные сведения.

– И что установили твои детективы? – с улыбкой спросила Хелен. – Что как-то раз он проиграл в карты сто фунтов?

Фидо взглядом укорила ее за насмешку:

– У него была связь с одной из его кузин.

– Ну и что?

– С видами на брак.

Хелен насмешливо поджала губки:

– И кто именно имел эти виды? Всем известно, что в любом семействе всегда найдется куча старых наседок, которые готовы выдать замуж своих цыпочек за первого же подходящего холостяка, приехавшего домой в отпуск.

Фидо покачала головой:

– Сведения моих корреспондентов абсолютно точны и достоверны. Вообрази, прежде эта кузина была помолвлена с братом полковника!

«Да она рада сообщить мне о нем любую гадость!» – с ненавистью подумала Хелен, но заставила себя беззаботно рассмеяться.

– Пожалуй, этот факт разрушает все обвинения! Выходит, одним летом эта девочка строит глазки брату Андерсона, на следующее лето – самому Андерсону, но при этом одинаково безразлична к обоим.

Фидо выпрямилась, покусывая губы.

– Что ж, если тебя не страшит тот факт, что ты связана с человеком, который позволяет себе ухаживать за девушкой, возможно, его будущей невесткой...

– Мне не до того, чтобы в такой дали, как Шотландия, выискивать воображаемых соперниц, – вспыхнула Хелен. – В тысячу раз больше меня страшит его предстоящий отъезд на Мальту! Господи, он снова оставит меня одну, обречет на невыносимую жизнь с этим истуканом, который зовется моим мужем!

Глаза Фидо наполнились слезами.

– Я не хотела... – Она робко положила руку на пурпурную юбку Хелен.

Снизу донесся звонок – слава богу!

Горничная доложила об Андерсоне. Он вошел, судя по его виду не чувствуя за собой большой вины. Фидо с холодной вежливостью передала ему чашку кофе.

Хелен обратилась к Андерсону язвительным тоном:

– Что ж, полковник, вы очень любезны, что нашли для нас время перед отъездом на север. Очевидно, климат Шотландии обладает особой притягательностью.

Полковник улыбнулся:

– Не уверен, что понимаю, к чему вы клоните, миссис Кодрингтон.

– О, неужели меня ввели в заблуждение? Или почтенные вдовушки семейства Андерсон уже не занимаются сватовством?

Он облегченно рассмеялся. «Боже, как я люблю это лицо с широкой мальчишеской улыбкой!» – с болью осознала Хелен.

– Что я могу сказать? Было бы жестоко заткнуть им рты.

Она почти успокоилась.

– Но пощадите бедную козочку, которая, видимо, питает надежды, связанные с вами.

– Она весьма здравомыслящая особа, не стоит за нее беспокоиться, – снова улыбнулся Андерсон, встал со стула и уселся рядом с Хелен, так близко, что его колено касалось кринолина ее юбки.

Фидо удалилась за круглый столик и с газетой в руках повернулась к ним спиной. Но всей своей позой она давала понять свое отношение к этой встрече.

– Послушай, – прошептал Андерсон, – я хочу поговорить с тобой наедине.

– Ты только об этом и думаешь, – вкрадчиво ответила Хелен.

– Ты не можешь уговорить свою верную собаку хотя бы ненадолго оставить нас с глазу на глаз?

– Увы! – Хелен выразительно закатила глаза. – Мне пришлось дать ей слово, что я откажусь от тебя постепенно, как от наркотика.

Андерсон хмуро подергал себя за усы:

– Как там Гарри?

Она презрительно поморщилась:

– Как всегда! Засел дома, как паук в своей паутине, и только и знает, что читать мне нотации. То выговаривает, что я мало времени провожу дома, то, оказывается, я слишком много денег трачу на новую обстановку. Словом, вечно всем недоволен.

– Экий зануда! – Он потихоньку накрыл ее руку своей. – Но мужу полагается держать вожжи в руках.

Хелен раздраженно усмехнулась:

– Ты говоришь в точности как моя покойная мать. Он что, должен держать вожжи, даже если у него руки изуродованы ревматизмом?

– Боюсь, это не имеет значения. Лейтенант может быть умнее своего майора, но вынужден ему подчиняться.

Она выдернула свою руку, посмотрела в сторону круглого столика и встретила укоризненный взгляд хозяйки дома. Фидо достала свои часы и выразительно постучала по крышке. Хелен сделала унылое лицо и опустила взгляд.

– Это абсурд, здесь мы ничем не можем заняться, – тихо проворчал Андерсон.

– Почему же? Мы можем разговаривать.

– Спокойного разговора не получится. Вот что я скажу: почему бы мне сейчас не попрощаться и не подождать тебя на углу Гордон-стрит, а ты через десять минут возьмешь кеб и заберешь меня?

– Потому, что...

После некоторого раздумья она приняла решение. Почему это женщина постоянно должна быть осторожной и осмотрительной? И, учитывая риск, на который Хелен всегда шла и идет ради встреч с этим человеком, с какой стати лишать себя удовольствия?

Андерсон не дождался ее ответа.

– Мисс Фейтфул... – Он встал со стула.

– Сделай огорченный вид, – прошептала Хелен.

Его лицо послушно приняло расстроенное выражение.

– Мне пора уходить, – глухо сказал он.

– Понимаю, полковник. – Фидо встала с видом строгой, но справедливой учительницы.

– Вы были так добры. Не могу найти слов... – К огромному облегчению Хелен, на этом Андерсон умолкает. (Он не обладает ее даром импровизации.)

Фидо позвонила в колокольчик, чтобы ему принесли пальто, шляпу и трость, и проводила его на лестницу. Когда она вернулась в гостиную, Хелен уже успела занять на диване позу страдальцы, прикрыв лицо рукой. Фидо осторожно села рядом и спросила:

– Все... кончено?

– Я пыталась, – проговорила Хелен сквозь пальцы. – Я привела все аргументы, не оставила ему никакой надежды. Но его безумная настойчивость...

– Видимо, он сгорает от любви к тебе, – через силу проговорила Фидо.

Хелен кивнула:

– Не знаю, почему...

– О, Хелен...

Спустя минуту Хелен добавила:

– Но я уверена, постепенно он поймет, что я говорю серьезно. Пожалуйста, Фидо, не торопи меня, потерпи немного. Будь мне опорой!

Крепкие руки подружки обняли Хелен, и при этом она испытала мгновенное замешательство, ибо у нее двойственное отношение к Фидо. Втайне она посмеивается над наивностью старой девы и все-таки надеется, что та одна поможет ей разобраться в самой себе. Хелен играла роль и в то же время была искренна; ей хотелось вызвать кеб и поскорее увидеться с любовником; но не меньше этого она готова была провести здесь весь вечер, чтобы эти сильные руки баюкали ее как ребенка.

– Пожалуй, мне пора, – наконец сказала она и встала, вытирая глаза. – Гарри любит, чтобы обед подавался ровно в семь. Он уверяет, что, если обед запаздывает хотя бы на четверть часа, у него начинается сердечный приступ!

На углу Гордон-стрит Андерсон поднялся к ней в кеб, и теплый сентябрьский ветерок мягко веял им в лицо. Он протянул руку, собираясь задернуть кожаную шторку.

Хелен удержала его:

– Что ты делаешь? Да еще в такую прекрасную погоду – это только вызовет подозрения. Он усмехнулся и оставил шторку полузадернутой.

– Куда поедем?

– Куда угодно, только не домой, – неожиданно для самой себя бросила она.

Он улыбнулся, как ребенок, обрадованный неожиданным подарком.

– Я с ужасом представляю, как возвращаюсь в этот мавзолей и за мной захлопывается дверь. Отвези меня куда-нибудь развлечься, хорошо?

– В какое-нибудь необыкновенное место, как говорят твои дочки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.